

Олег Северюхин
Квази-мо

Роман 2012 года

Олег Северюхин

Квази-мо. Роман 2012 года

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Квази-мо. Роман 2012 года / О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741421-4

Учитель средней школы Алексей в самый неудачный день жизни написал письмо отчаяния в Кремль, расстался с любовницей и подрался с милиционером. От суда его спас адвокат Люций Фер в обмен на контракт о продаже души, подписанный кровью. Кто вставал на пути Алексея, становились похожи на звонаря Квазимодо. Алексей стал успешным бизнесменом и участвовал в международных переговорах. Теневые политики решили использовать безграничные возможности Алексея и предложили ему стать президентом страны. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-741421-4

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Глава 21	48
Глава 22	50
Глава 23	52
Глава 24	54
Глава 25	56
Глава 26	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Квази-мо Роман 2012 года

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2024

ISBN 978-5-4474-1421-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото автора

Глава 1

– Как быть и что делать? – мучительно думал я. – Вся жизнь прошла, а я еще ничего не совершил и не стал кем-то значимым в нашем государстве. Куда ни посмотрю, везде одни таланты и удачливые люди. Вот этот стал артистом, подражает чужим голосам и все рады посмеяться над тем, что он пародирует кого-то узнаваемого, а не их. Даже те, кого пародируют, уже знамениты тем, что их знают и узнают в любом состоянии. И как они притворно радуются пародиям на самих себя. Извращенцы какие-то. Чем они лучше меня? Да нет же, это я намного способнее их, но не могу никуда пробиться. Что сделать, если у меня нет никакой лапы? Родился в рабочей семье. Воспитание рабоче-крестьянское. Образование многоступенчатое. Сначала ясли. Потом детский садик, где нас учили вместе писать в горшки и играть на площадке, изображая дружную семью, хотя мне хотелось стукнуть Галку лопаткой по спине, потому что у нее получались ровненькие и красивенькие кулички, а у меня песок все время разваливался и выпуклый рисунок был почти не виден. Даже здесь мне не везло.

Мне говорили, – ты посмотри, как она делает, и у тебя будет получаться точно также.

– А чего это я буду учиться у нее? – размышлял я. – Я и без этого умный. Я лучше займусь чем-нибудь другим. Вот, пойду и буду качать забор. Ума не надо, а если сила есть, то и забор уронить можно.

– Леша, – говорили мне, – оставь в покое забор, иди сюда и покачайся на доске со Славиком.

– Как же, – говорил я себе, – пойду я качаться на доске со Славиком. Я его поднимаю высоко-высоко, и он визжит от восторга, а меня он чуть-чуть приподнимет и уже ждет, когда я буду поднимать его конец доски. Что я, должен тебя развлекать? А почему ты не делаешь половину той работы, что делаю я? Не пойду я с тобой качаться.

Я ничего этого не говорил вслух и продолжал раскачивать забор. Забор был крепкий, и это злило меня. Меня злило и то, что согруппники смеялись надо мной. Не подсмеивались, а смеялись. И все потому, что я не вступал в драки для того, чтобы завладеть понравившейся игрушкой. Если ты не дерешься, не разбиваешь ближнему своему в кровь его лицо, то тебя начинают считать слабаком и с детства перестают уважать. Ну, как же можно бить человека по лицу?

Я не дрался и потому, что боялся. Боялся с детства. Мой отец был достаточно крутого нрава и за мои маленькие детские провинности таскал меня то за волосы, то за уши. И я с детства боялся боли, боялся наказания и не делал то, что должен был делать любой человек. Хотя, как я думаю, если бы я делал то, что считается нормальным, то у меня постоянно были бы сбиты костяшки на кулаках и многие люди умывались кровью, начиная меня уважать. Но я не хотел такого уважения.

Молодые годы как-то быстро закончились и не оставили в памяти ничего, кроме тревожных ожиданий от чего-то нового, которое всегда было неприятно для меня.

Затем началась школа. Было очень интересно стоять в толпе таких же маленьких людей, как и ты сам, с букетами цветов, с большими портфелями в руках пап и мам. Кто-то и что-то говорит. Играет громкая музыка. Потом великовозрастный парень тащит на плече маленькую девочку в белом кружевном фартучке, и она звонит в блестящий колокольчик.

Первый класс. Огромная комната с партами, у которых есть откидные крышки, но этими крышками играть нельзя, потому что незнакомая женщина начинает объяснять, что можно делать в классе, а что нельзя. В школе стало скучно на первом же уроке. Что это за школа, если вышел из школы и ничего не знаешь? Почему нас сразу не научили читать и писать, а заставляют чертить какие-то палочки в тетрадке?

Я не блистал особенными успехами в школе. Был простым середнячком. Вся система нашего преподавания рассчитана на одаренных учеников, которые слету схватывают материал. Мне же приходилось возвращаться к основам, чтобы понять общее. А нужно всего-то повторить азбучные истины, чтобы стало больше учеников, которым понятен материал. Тогда было бы намного меньше неуспевающих учеников. Для того, чтобы понять ту же теорему по тригонометрии, мне приходилось сидеть и как бы своими руками перебирать линии и углы. Но то, что я понимал, я понимал навсегда и потом удивлялся, а что же в этом непонятного.

Уже в институте я понял, что мое сознание само выбирало то, что ему нужно и то, что ему не нужно, пропускало мимо себя, как воду сквозь неплотно сжатые пальцы. Я был гуманитарий, разбирающийся в точных науках. Парадоксально, но это так. Я писал стихи, владел иностранными языками, слушал музыку и брал в уме производные функций любой сложности, мог сказать, в какой четверти функция будет иметь положительное или отрицательное значение. Только вся моя жизнь имеет отрицательное значение.

Мне сейчас двадцать пять лет. Я учитель английского языка в средней школе. За четыре года работы в школе насмотрелся на такое, что стал ненавидеть всех людей подряд и все потому, что моя зарплата меньше чем зарплата водителя троллейбуса и больше зарплаты школьной технической служащей. Уборщицы, по старой терминологии. То есть, я со своим школьным и высшим образованием, знанием иностранных языков нахожусь где-то между уборщицей и водителем троллейбуса. А дети, особенно у обеспеченных родителей, являются материальным свидетельством того, что в ближайшем будущем наша страна превратится в феодальную монархию. Возможно, что будет еще хуже, так как дети высочившей из низов элиты автоматически включаются в состав элиты, и будут командовать нами по факту своего рождения. Говорят, что природа отдыхает на детях выдающихся родителей. Это кто это выдающиеся родители? Если на детях этих выдающихся людей отдыхает природа, то можете представить предков этих продуктов отдыха.

Я со своей мизерной зарплатой могу с трудом прокормить только себя, а как мне создать семью, как содержать ее? О жилье лучше и не заикаться. Снимаю маленькую квартирку. Наша ипотека – это узаконенная форма рабства. Сидеть на шее у родителей? Увольте. Постоянное сочувствие и шепоты соседей, что вот, мол, балбес, учился, учился, а человеком не стал, у родителей на шее сидит. Вот, ребята, в институтах не учились, начинали с торговли жевательной резинкой, а сейчас в олигархах ходят, орденами с ног до головы увешаны, губернаторы им руку жмут, на выборы за деньгой обращаются и благодарственные письма от имени власти раздают, а этот...

– Черт подери, – сказал я сам себе, – когда же в нашей стране будет господствовать справедливость, когда вперед будут двигаться люди по своим способностям и когда не будет никакой коррупции, когда жизнь будет как в раю – захотел, оформил свое желание в молитву и нате вам – получите? Хотите, просто так берите, а если хотите, то это вам это упакуют в блестящую и хрустящую бумагу, и вы даже не будете помнить того, чего вы желали, но вам уже будет приятно то, что кто-то исполнил ваше желание.

В порыве чувств я взял лист бумаги и написал письмо в Кремль. В нем я написал, что царствование олигархов будет продолжаться триста лет, а потом придет Мессия по имени Алексей и принесет с собой кару небесную. Письмо я не подписал (нашли дурака!) и отправил не заказной корреспонденцией, а просто бросил в почтовый ящик. Анонимно. Как Ванька Жуков, который написал: на деревню, дедушке, так и я написал: Кремль, правителям.

Глава 2

Сегодня у меня свидание по расписанию. Она замужем, но дамочке хочется чего-то новенького, свеженького. Познакомились случайно на школьном корпоративе. Как это бывает, чувства вспыхнули, горели ярко, а потом фитиль как в керосинке обгорел и стал гореть ровным светом, без всполохов и бывшего сияния.

Встречались на квартире ее подруги. Ходили как на работу. Сами понимали, что, в конце концов, интрижка скоро закончится, но никто не начинал разговор первым. Вот и получалось, что тащишь ненужную вещь, и тащить тяжело, и бросить жалко.

– Что за привычка покупать желтые розы? – моя подруга была явно не в духе. – Вот ты сам подумай, кто может дарить женщине такие розы? А? Да только любовник, который хочет ее бросить. Как я объясню это дома? Эх ты, эстет. А конфеты? Один шоколад. От него толстеют. Взял бы конфеты с кокосом, и компактно, и вкусно, и диета не нарушена. Давай вино открывать не будем. У меня сегодня мало времени, пошли, постель уже готова.

– Боже, – подумал я, – сейчас снова будем искусственно обниматься и целоваться для того, чтобы все было по книге, будем искать и ласкать эрогенные зоны, чтобы возбудить друг друга. Неужели было мало времени с прошлого свидания для того, чтобы возбудиться? Как встречаются люди после долгой разлуки? Да они бросаются друг другу на шею и приходят в себя только тогда, когда у них кончаются силы, и тогда они начинают нежно ласкать друг друга, чтобы запечатлеть в памяти все, что было.

Так называемая любовная прелюдия уничтожила остатки желания. Моя подруга мельком поглядывала на часы и не была сильно расстроенной, говоря дежурные слова:

– Успокойся, милый, такое бывает, в следующий раз будет все нормально.

Мне кажется, что она тоже понимала, что следующего раза не будет. А ведь можно было прямо в прихожей расстегнуть на ней кофточку, поднять юбку, спустить до колен колготки, погладить по бедрам и взять ее так, чтобы мерная жизнь заиграла узорами северного сияния, чтобы она кричала и извивалась, хватая тебя руками и прижимая к себе.

Я вышел из квартиры первым. Состояние как у туриста, добравшегося до привала и сбросившего с плеч тяжелый рюкзак.

– Черт подери, – сказал я сам себе, – неужели ты не мог найти себе свободную женщину? Их же много и одна лучше другой. Может, красотой не вышла, но душа- человек и тебя будет любить как никто другой. Не в красоте счастье.

На выходе из подъезда меня остановил сильный толчок в грудь и грубый голос:

– Куда прешь, козел? Напился как свинья и людей не видишь?

Надо мной стоял мужик лет тридцати, здоровый, в пальто, широкая морда с красным носом и волосы, зачесанные назад как у Элвиса Пресли.

– Черт подери, – сказал я сам себе и, поднявшись с земли, бросился на обидчика. Свалив его на землю, я стал изо всех сил бить его по морде, но был оторван двумя милицейскими сержантами.

– Ты что, сука, делаешь, – кричали они, – на милицию руки поднимаешь? Да мы тебя по лагерям сгноим, лагерей у нас столько, что потеряешься в каком-нибудь из них.

– Тебе кто разрешил нападать на сотрудника милиции? – зарычал мордастый, вставая с земли.

– Ваш министр на всю Богославию сказал, что любой гражданин может защищаться от нападения сотрудников милиции, – сказал я.

– Умник? – спросил мордастый. – Сейчас мы тебе мозги вправим.

Меня привели в отделение милиции и испинали ногами перед тем, как посадить в обезьянник.

– Погоди, кровью будешь умываться за нападение на милицию, – пообещали мне.

Я и так понял, что моя песенка спета. В нашей свободной стране с человеческим лицом любой гражданин беззащитен перед властью, особенно перед той, которая поставлена на защиту этого гражданина. У этой власти полтора миллиона сотрудников с танками и авиацией, ОМОНами и СОБРами, вся прокуратура, суды и разветвленная система лагерей, доставшихся в наследство от ГУЛАГа. Наш человек – в поле былинка. Если он не относится к тем, кто неподсуден, если не имеет защиты или денег, то его посадят за любое прегрешение. Был бы человек, а статья для посадки найдется. Количество свободных людей всегда варьируется от недоработки или переработки органов. Да и всегда, когда идет перестройка, летят щепки и достаются они тем, кто вообще ни к какой перестройке не причастен.

Часам к девяти вечера я кое-как оклемался от побоев и сел, вернее, прилег на лавку, то проваливаясь в забытие, то открывая глаза, в которых не было ни капельки сна. Вроде бы я спал и не спал. Бывает такое, когда человек спит, но он чувствует, что не спит.

– Эй, ты, вставай, – сказал дежурный по отделению, – тут к тебе адвокат пришел. Ты, оказывается, птица важная. Запомни, тебя здесь никто не трогал, это ты сам упал и стукнулся о лавку.

Глава 3

В отделении милиции не было специальной комнаты для допросов с привинченными к полу столами и табуретами, и зарешеченными окнами под потолком. Такие комнаты есть в следственных изоляторах и в тюрьмах. У американцев в каждом фильме есть комнаты, оснащенные полупрозрачными зеркалами, через которые ведется наблюдение за допросом, оставаясь в то же время невидимыми.

Я всегда испытывал недоверие к зеркалам, если нельзя заглянуть за обратную сторону его. Да и еще неизвестно, что есть в глубине самого зеркала. Мне всегда казалось, что зеркало отражает все, что находится за нашими спинами. То, что боится показаться нам на глаза, прячется за спиной. У кого есть ангел-хранитель, тот отгоняет всю нечисть, а люди без ангелов-хранителей вынуждены бороться за свою жизнь сами.

Иногда ночью в слабоосвещенной комнате в зеркале мелькают тени и непонятно, дружелюбны они тебе или враждебны. Целое царство теней. Одно неосторожное движение, и ты уже там, в зеркале, смотришь оттуда на оставшуюся там жизнь и думаешь, где все-таки лучше? Там или тут? И совсем непонятно, с какой стороны находится настоящее, с этой или с той.

Меня привели в комнатку для свиданий. Не для любовных свиданий, а так, чтобы уединиться с посетителем, не приглашая его в зону служебных помещений. Пустая комнатка, которую убирают раз в месяц по понедельникам. Колченогий стол с потрескавшейся столешницей, два скрипучих стула с дерматиновыми спинками и сиденьями.

За столом сидел изящно одетый человек лет сорока. Аристократическое лицо. Безукоризненная прическа. Темно-синий однобортный костюм, черная рубашка и белый галстук. То ли эстрадный певец, то ли мафиози из латиноамериканских соединенных штатов. На столе кожаный портфель с застежкой.

– Алексей Алексеевич, – вскочил со стула и направился ко мне нарядно одетый человек, – садитесь, извините, присаживайтесь вот сюда, – он подвинул ко мне стул, – а вы, любезный, – он обратился к дежурному по отделению, – позвольте нам переговорить, так сказать, тет-а-тет.

Дежурный понимающе кивнул и вышел.

– Давайте знакомиться, – адвокат протянул мне руку, – Алексей Васильевич Петров, ваш адвокат...

– Какой адвокат? – удивился я, автоматически пожимая его руку из вежливости. – У меня и денег на адвоката нет, да я и не вызвал никакого адвоката.

– Как это не вызывали? – в свою очередь удивился Алексей Васильевич. – В первый раз вы меня вызывали тогда, когда выходили из своей квартиры, то есть из той квартиры, которую вы снимаете для жилья. Второй раз вы вызывали меня, когда уходили от своей любовницы. И третий раз вы вызывали меня, когда бросились в драку на милиционера. Неужели ничего не помните? Здорово они вас отделади, но не волнуйтесь, им еще икнется за это. Все в природе взаимосвязано. Тот, кто распускает кулаки в реальной жизни, будет получать сторицей в той жизни и, я вам скажу по секрету, та жизнь есть, и она более суровая, чем эта.

– Что-то я вас совсем не понимаю, – сказал я адвокату, – я никого не вызвал и никуда не звонил. Вы хоть понимаете, что значит – вызывать?

– Кончено, понимаю, Алексей Алексеевич, – с улыбкой сказал адвокат, – можно позвать кого-то по имени-отчеству, по фамилии, по должности или профессии, наконец. Неужели до вас не доходят мои намеки?

– Намеки на что? – не понимал я.

– Как на что? – пытался объяснить мне Алексей Васильевич, поражаясь моей непонятливости. – Вы трижды произнесли мою профессию.

– Я? – моему изумлению не было предела. – Я три раза произнес слово адвокат?

– Не адвокат, – поднял вверх указательный палец, – а...

Я лихорадочно думал. Что я, дурак, что ли? Не помню, что я говорил? Но я говорил-то про себя, а не кричал во все горло. Что я сказал себе перед выходом из дома? Черт подери. А что я сказал перед выходом от дамы? То же самое. И именно с этими словами я бросился на мента. Но я же не знал, что он милиционер. На его гражданской одежде не было никаких погон, никакой портупеи с пистолетом. Но я чертыхнулся перед тем, как полезть в драку. Это я-то, который ни разу в жизни не дрался, стал драться с мужиком здоровее меня? Так кто же сидит передо мной? Кто может прийти на помощь при словах «черт подери»? Черт, что ли?

Я улыбнулся и сказал:

– Черт.

– Точно, Алексей Алексеевич! – адвокат развел руки так, как будто держал в руках большой мяч. Нет, все-таки не мяч, а земной шар, – наконец-то догадались. И учтите, я не бросаюсь к кому-то по первому зову. Только к избранным и только тогда, когда вызов мой был обоснованным и солидным.

– Что же у меня такого солидного? – неуверенно спросил я.

– Вы человек честный, планы у вас мировые, и совесть у вас есть, а все это вместе редко уживается, – сказал Алексей Васильевич, – честные люди к мировым проблемам не стремятся, а у наполеончиков всегда проблемы с совестью. А у вас как-то все ужилось вместе. А еще хочу вам доказать, что все ваши прописные истины яйца ломаного не стоят.

– И для этого вы пришли в милицию, чтобы побеседовать на этические темы с заключенным? – язвительно спросил я. – Кстати, правильно говорят – гроша ломаного не стоят.

– Извините, Алексей Алексеевич, так ли это важно, яйцо или грош, – улыбнулся адвокат, – давайте-ка мы сразу оформим документы. Деньги за ваше освобождение я уже отдал. За тысячи лет от Рождества Христова на земле ничего не изменилось. – Он напел – На земле весь род людской чтит один кумир священный, он царит над всей вселенной, тот кумир – телец золотой! Этот идол золотой волю неба презирает, насмехаясь, изменяет он небес закон святой! Вот протокол о вашем задержании, по этому номеру уже зарегистрировано другое правонарушение, но ваше освобождение будет действительным только после подписания договора о нашем с вами сотрудничестве.

– Каком сотрудничестве? – не понял я. – Это что, я душу вам должен продать?

– Считайте так, – сказал Алексей Васильевич, – не были бы вы моим тезкой, я бы и пальцем не шевельнул. Но раз я шевельнул пальцем, то я должен иметь какую-то плату. Денег мне не нужно, любому могу сколько угодно дать. Да и я властитель чревоугодия, прелюбодеяния, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия и гордыни. То есть тех грехов, которые приписаны вам, богославам. Вот я и хочу передать вам управление этими грехами, а самому удалиться на покой.

– Как это на покой? – снова не понял я. – Вы хотите сделать из меня черта?

– Как бы не так, – сказал мой собеседник, – мною стать нельзя. Я – Люций Фер, Люцифер, светоносный и в небесной иерархии я был не самым последним. Оставим в стороне частности, но в вину мне ставят гордыню. Хотя и свергли с Олимпа, но власть над землей не отняли. Вы же можете стать только моим помощником. Чем больше моих качеств перейдет к вам, тем больше человеческих качеств будет у меня. Справедливо?

– А если я не соглашусь, – сказал я, – тогда как?

– Не страшно, – сказал адвокат, – я просто встану и уйду. Вас отведут в камеру, и все пойдет своим чередом. На зоне вспомните меня, но будет уже поздно. Я не прощаю невежества или слабости. За ошибки каждый расплачивается сам. Будете паханам сказки рассказывать о том, как чуть не продали душу дьяволу, да заартачились, а они будут смеяться над этим. Вы человек самостоятельный, видите приемлемый для себя выход из создавшейся ситуации, и мое предложение вам не подходит. Гуд бай, май френд.

Адвокат открыл портфель и стал укладывать туда черную кожаную папку с серебряным тисненым вензелем в верхнем углу.

Глава 4

В детективах подробно расписывают о том, что для вербовки человека ставят в невыносимые условия. Героем становится только тот, кто застрелился, погиб под пытками или был уничтожен нечестными людьми. Это чисто большевистская позиция. В любой стране мира допускаются человеческие слабости, но только не у нас.

В царское время человек, попавший в плен и не запятнавший себя сотрудничеством с противником и бежавший из плена награждался особым знаком с георгиевской ленточкой как признанием трудностей, выпавших на долю военнослужащего. Еще вспомнил. Флаг германской империи был на знаке у того, кто был в германском плену, а флаг Австро-Венгрии у того, кто был в австрийском плену. У большевиков, попавшие в плен солдаты, не считаются за людей.

Это же осталось и в новой Богославии. Большевизм никуда не делся. Он замаскировался и ждет времени, когда можно будет снова начать массовые репрессии, которых не избежала ни одна страна бывшего Варшавского Договора. Чего уж тут удивляться, почему богославов нигде не любят. Слово богослав прочно ассоциируется с большевизмом и коммунизмом. Богослав – большевик, богослав – репрессии. Вот и вся дилемма западной нелюбви к Богославии. Нелюбовь нелюбовью, а наши углеводороды покупают за милую душу.

Я тоже один из винтиков этой машины, который попал в мясорубку для калечения людей и вряд ли в ближайшие десять-пятнадцать лет мне удастся выйти на свободу. И у меня выхода нет, но, возможно, что у меня появятся рычаги для того, чтобы сделать страну цивилизованным государством, где права человека – это не картонная корочка, разрешающая управление транспортным средством и не корочка в сафьяне, делающая человека неприкасаемым.

– Хорошо, я согласен, – сказал я адвокату.

– Вот и чудненько, – сказал Алексей Васильевич, доставая из кожаной папки лист гербовой бумаги желтоватого цвета, сразу же начавшей сворачиваться в свиток – прочитайте и распишитесь, – он передал мне толстую массивную авторучку с характерной стрелкой фирмы «Паркер».

Я взял бумагу и стал читать:

«Контракт. Мы, нижеподписавшиеся: Люций Фер с одной стороны и Люций Ал с другой стороны, именуемые договаривающиеся стороны, заключили настоящий контракт о том, что одна сторона продает свою душу, а другая сторона покупает эту душу за исполнение всех желаний продающей стороны».

Подписи сторон. Завитушка Люций Фера и свободное место для моей подписи.

– И исполнится все, что я захочу? – переспросил я.

– Исполнится, только если вы будете делать то, что захотите, – усмехнулся адвокат, – не ждите, что все будет по щучьему велению и по вашему хотению. Как это вы все время говорите, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. И без труда ни одно ваше желание не исполнится. Как говорят ваши братья-славяне: «bez pracy nie bedzie kolaczu» – «без труда не испечёшь калача». Даже для подписи нужен труд. Подписывайте и не тяните, мы и так уже много времени затратили на минутное дело.

– Что, слишком много таких дел, как у меня? – спросил я несколько язвительно.

– Да уж без работы сидеть не приходится, – спокойно сказал Люций Фер.

– И люди те не чета мне? – продолжал я задавать вопросы.

– Да вы все поначалу одинаковы, – сказал Алексей Васильевич, – это вы потом становитесь личностями, к которым на кривой козе не подъедешь.

– Это доктор Фауст – личность? – улыбнулся я. – Он как был доктором, так им и остался. Если бы не Пушкин, о нем бы вообще никто не знал.

– У нас, как в разведке, тайна личности сохраняется, – сказал адвокат, – но для вас я сделаю исключение. Великий инквизитор Фома Торквемада был студиозусом, а испанская королева Изабелла Католичка была простой принцессой, которой ничего особенного не светило. А сейчас орден ее имени есть высшая награда Испании, несмотря на то, что она вместе с Торквемадой чуть не уничтожила всю Испанию на кострах. А ваш Сталин был семинаристом Джугашвили, зато потом приобрел непререкаемый авторитет на массовых репрессиях. И чем он хуже делает, тем больше его авторитет. Этого достаточно?

Я утвердительно кивнул головой, взял ручку и открыл колпачок, обнажив золотое перо. Такой ручкой хочется писать. Писать что угодно. Каракули, прямые черточки, волнистые линии, крестики, нолики, стихи. Я твердо взял ручку и стал подписывать контракт, но перо скользило по бумаге, не оставляя следа.

– Извините, Люций Ал, – засмеялся адвокат, – ручка не заправлена, но не волнуйтесь, я ее сейчас заправлю.

Он открутил верхнюю часть, взял ручку и резким движением воткнул ее мне в руку. Я вскрикнул, наблюдая за тем, как моя кровь стала заполнять резервуар авторучки.

– Вот и все, – сказал Люций Фер, – традиции нужно соблюдать.

Я подписал документ и протянул ручку адвокату.

– Не надо, – отвел мою руку Люций Фер, – это подарок фирмы.

Он собрал документы, и мы вышли из комнаты для свиданий. Никто нас не задерживал. Милиционеры тепло попрощались с адвокатом, и мы пошли к выходу. Я вышел на улицу первым и остановился, поджидая моего нового знакомого, желая прояснить некоторые детали нашего контракта.

Я честно отстоял пять минут у входа в отделение милиции, но оттуда выходили какие-то люди, милиционеры, а Люций Фер так и не появился.

– Что с него взять? – подумал я. – Хватанул невинную душу и был таков, а что с этой душой будет, это его не беспокоит.

Глава 5

Я выходил из дома с букетом цветов, коробкой конфет и бутылкой вина, а возвращаюсь поздно вечером с побитой мордой и порванным костюмом, а завтра нужно идти на работу учить оболтусов английскому языку. Им этот язык совершенно не нужен, а приходится из сил выбиваться, чтобы втолкнуть в их головы байсикл или рэллвэй.

Вечером я внимательно разглядывал себя и ощупывал голову: не началось ли отрастание рогов, ороговение подошв и активизация роста атавизмов. Вроде бы ничего не происходит и запаха серы в доме не чувствуется, и хвост не растет, и копыт нет. Все можно было бы принять за кошмарный сон, если бы не фингал под глазом.

Утром я надел парадный костюм с белой рубашкой, на глаза темные очки-хамелеоны, в руках пакет с порванным костюмом для сдачи в ремонт.

В школе все понимающе кивали мне. Некоторые дамы смотрели на меня с повышенным интересом: надо же, незаметный человечек, оказывается, имеет еще одну жизнь, более захватывающую, чем жизнь человека в школьном футляре.

– Что, Алексей Алексеевич, – загадочно и вопросительно сказала мне завуч, – в тихом омуте черти водятся?

Ответа на этот вопрос не требовалось, и я не стал останавливаться около нее с объяснениями, что и почему. Не их это дело. Я на работе? На работе. В нормальном состоянии? В нормальном. А до моей души вам не должно быть дела. Действительно, какое вам дело до моей души? У меня и души-то нет. Продал ее за свободу. Свобода – это самое главное в жизни. Даже эки, когда клянутся, говорят – век свободы не видать. Но душа-то у меня осталась. Без души человек не может жить.

Я до сих пор с душой воспринимаю заботы моих коллег. Вот, например, ботаничка Танечка. Не замужем. Умница, но по ее словам – всех хороших мужиков разобрали, а осталась одна шваль. И вдруг я почувствовал, что знаю, что творится в душе у Танечки. Она хочет найти себе богатого и преуспевающего мужа, чтобы бросить эту преподавательскую работу за гроши, поселиться в шикарном двух или трехэтажном особняке... А почему тебе не выйти замуж за простого учителя или другого человека? Почему не подтянуть своего мужа до своего культурного уровня, помочь ему с учебой, пройти все ступени семейной жизни?

Я вдруг понял, что моя встреча с Люцием Фером действительно состоялась и я сейчас не Алексей Алексеевич, а Люций Ал, который видит каждого человека насквозь. Не в смысле, что видит, что там под одеждой, хотя потом можно будет попробовать и посмотреть, а видит человеческое нутро.

Я посмотрел на завуча и вдруг явственно услышал ее голос:

– Боже, какой мужик пропадает без дела. Все равно я доберусь до тебя и выучу так, что лучшего мужика-любownika никому и никогда не найти.

Я отвел взгляд в сторону. Голос завуча пропал, но зато послышался голос математички Любови Петровны:

– Эх, молодость, молодость, а что мы – не люди, что ли? Правильно, Лешенька, мужчина мужает в сражениях и не должен стыдиться своих ран и шрамов.

Я опустил глаза, и наступила тишина. Что, я должен все время ходить с опущенной головой? Черта с два. Тихо. Не произноси имя благодетеля своего всуе. Хрен вам всем. Не буду опускать голову, а буду смотреть сквозь вас, словно вы все дети стекольщиков.

Я поднял голову и стал смотреть так, как хотелось смотреть всегда. Вроде бы стало получаться, но все равно обрывки каких-то разговоров слышались в моем сознании. Так бывает на сельских линиях связи после дождя, когда влажность начинает едва-едва замыкать теле-

фонные пары и в проводах создаются наведенные токи, несущие с собой обрывки чужих телефонных разговоров.

Взяв классный журнал, я пошел на урок в десятый «б». Вообще, классы «б» укомплектованы самыми лучшими учениками, которые не хватают звезд с неба, но имеют твердые знания и свои суждения по всем вопросам. Как раз из «букашек» и получаются выдающиеся люди, как из серых утят вырастают белоснежные лебеди.

Глава 6

– Алексей Алексеевич, – поднялся с задней парты Никифоров Саша, здоровенный детина, в которого всегда была влюблена соседка по парте Шурочка, в этом году пересевшая к нему за парту и как бы во всеуслышание заявив на него свои права, – а можно поговорить не на школьные темы?

– Конечно, можно, Саша, – сказал я, – но только по-английски. На любые темы.

Класс замер. Разговор на любые темы не предлагался никем из учителей. Ученики недоумевали, что это, провокация учителя или новая методика преподавания? Я уже знал, о чем будет вопрос. Все-таки интересно разговаривать со школьниками. Они говорят о том, о чем думают. У них пока не выработалась двойственность личности, присущая взрослым.

– Считайте, ребята, что это новая методика преподавания, – про себя думал я, втайне надеясь, что мои мысли дойдут до них. – Для чего мы учим иностранный язык? Для общения на любые темы. Так почему для общения на иностранном языке могут быть запретные темы? Такого быть не должно.

Никифоров, ввязавшийся в это дело, с трудом составлял фразы. Я слушал его и думал, а как бы научить людей слышать себя со стороны, чтобы услышать, каким косноязычным является ваш иностранный язык, и что иностранцы будут составлять списки афоризмов, произнесенных богославами на их родном языке. Перлы будут ничем не хуже тех, что срываются с языка нашего бывшего премьер-министра. А что происходит с вашим родным языком? Такое же косноязычие и каждый, кто сможет посмотреть на себя с стороны, будет испытывать чувство стыда за то, что он такой.

Никифоров с трудом, но все-таки выдал из себя вопрос о том, как начать собственное дело без первоначального капитала.

Резонный вопрос. На пороге окончания школы пора бы задумываться о том, чем каждый будет заниматься в жизни. Никифоров не блистает знаниями, но зато он человек упорный и если что решит, то сделает обязательно. У таких людей всегда большое будущее.

– Знаешь, Саша, – сказал я на английском языке, – без первоначального капитала ни одного дела начать нельзя. Все эти сказки в огромных книгах о том, что самые большие капиталы в мире создавались с нуля, это просто пиар и способ продажи этих книг и идей. Авторы книг «Как заработать миллион» заработали не один миллион на продаже своих идей и пересказе легенд о миллиардерах. А перед вами стоит задача начать дело с минимальным использованием первоначального капитала, который есть у вас. А в чем заключается этот капитал?

Класс молчал. Наконец, кто-то подал реплику – компьютер. Кто-то добавил – интернет. Наличие собственного жилья, – сказал Никифоров.

– И главное, – подытожил я, – умение пользоваться тем и другим, и знание английского языка, без которого трудно обойтись в современном мире. Наши люди хорошо подготовлены во всех областях знаний. Они могут применить свои силы для начала дела с помощью интернета при наличии того первоначального капитала, о котором говорили вы. Подумайте, что вы предложите миру из того, что можете делать и того, что будет востребовано потребителем. Считайте это домашним заданием.

Внезапно закончившийся урок прервал нашу беседу. Никифоров подтолкнул меня к вопросу, который неоднократно приходил и в мою голову, но не находил должного ответа.

Время, когда учительская работа будет престижной в нашем обществе, придет еще не скоро. Очень даже не скоро. Следовательно, каждый учитель должен искать путь улучшения собственного благосостояния. Надежд на государство мало. Оно само не знает, что ему делать. Большевиков только угроза предстоящей войны заставляла вкладывать деньги в развитие страны, помимо собственного обогащения. Если бы нам не угрожали, то Советская Бого-

славия благополучно загнула в тридцатые годы и стала просто Богославией, одним из огромных государств, которое на какое-то время отделилось от всего мира, а потом вернулось в него.

В конце дня я неторопливо шел домой и почему-то остановился у районной Доски почета. На меня смотрели гордые лица тех, кого начальство определило в передовики, достойных представлять лицо района перед всем городом. Такое ощущение, что эти пятнадцать человек работают, не покладая рук, а остальные пятьсот тысяч граждан отбывают номер. Как определяют кандидатов для награждения орденами и медалями, мы все знаем. Александр Сергеевич Грибоедов в «Горе от ума» в одной строчке охарактеризовал всю нашу наградную систему: «Представить ли к крестишку иль к местечку, ну как не порадеть родному человечку». И эти почетные граждане отбирались по тому же принципу. Точно так же у нас определяются литературные классики, лауреаты всевозможных премий или победительницы конкурсов красоты.

А что, если и другим нашим гражданам, у кого есть неоцененные заслуги, предоставить возможность поместить себя на Доску почета на весь мир, а не на один отдельно взятый городской район отдельно взятого города Богославии? Вот тебе, Саша Никифоров, и пример того, как можно начать свое дело без приложения большого стартового капитала.

Глава 7

Эти промелькнувшие в голове мысли подтолкнули меня к решительным действиям. Я взялся за учебники и стал читать все, что связано с сайтостроительством и написанием веб-страниц, которые мы видим в Интернете.

В любом иностранном языке, наступает момент, когда незнакомые буквы и звуки становятся понятными и начинают передавать то, что они скрывали для непосвященного человека. Точно так и я понял структуру страниц интернета и для меня стали такими же понятными термины вэб, титл, хэйд, боди, стайл, эйчтиэмэл, как здравствуйте и до свидания в любом нормальном воспитанном обществе. Только эти слова называются тэгами и для того, чтобы они работали, тэги нужно закрывать угловыми скобками, а в конце тэга нужно ставить косую линию, черточку, которую называют слэшем.

Мне кажется, что любой человек, который считает себя современным, должен понимать, что такое интернет, как устроены его страницы, уметь создавать эти страницы для того, чтобы донести до других свои знания.

Я никому не говорил о своих внеклассных занятиях, особенно своим ученикам, которые в силу своего небольшого возраста, знаний и жизненного опыта уже считают себя корифеями во всем. Пусть у них подольше продлится пора детства, и пусть они подольше чувствуют себя властелинами Вселенной, чтобы через какое-то время прийти к пониманию того, что чем больше ты знаешь, тем скорее ты начинаешь понимать то, что ты вообще ничего не знаешь.

Это не я придумал, это поняли те, кто пытался узнать все. Все узнать невозможно. Это как яма знаний. Чем больше черпаешь из нее, тем огромнее она становится. Поэтому черпайте из этой ямы только то, что вам нужно. Все остальное фильтруйте и помните, где хранятся эти знания, потому что при возникшей необходимости вам не придется метаться из стороны в сторону, а вы спокойно возьмете то, что аккуратно положили в свое время на полку для хранения.

В течение месяца я сделал собственный сайт, который назвал «Доска почета» (Hall of Fame, Ruhmeshalle, Temple de la renommée). Если честно, то сайт сделал не я. Сайт сделали до меня и называли его шаблоном. Просто я этот шаблон изменил под себя и добавил те элементы, которые мне были необходимы. Из бульонных кубиков я сварил суп со своими овощами.

Почему я сделал этот сайт? Я считал и считаю до сих пор, что каждый человек достоин общественного упоминания и что каждый человек достоин того, чтобы о его заслугах знали все. Мастер, выучивший тысячу сварщиков или токарей, не менее знаменит, чем учитель, выпустивший в свет тысячу питомцев или офицер, воспитавший тысячу защитников Родины. Отодвинутый в сторону изобретатель, артист на вторых ролях, поэт или писатель, чьи произведения отказываются печатать, потому что издатели по своему уровню развития еще не достигли их, а читатели не могут оценить, потому что их не издают. Да мало ли кто.

У каждого человека есть то, чем он выделяется из толпы и даже в толпе каждый индивидуальность. Если рассматривать их так, то получится, что среди нас абсолютное большинство одаренных и талантливых людей. Но тогда почему мы живем хуже большинства граждан в других странах? А вот это тот вопрос, на который поможет ответить предлагаемая мною «Доска почета».

Народ должен знать своих героев и «героев». Пусть рядом с героем-милиционером, погибшим на боевом посту, защищая граждан нашего государства, будет милиционер-правонарушитель. Народ сам поймет, «делать жизнь с кого». Рядом с добропорядочным гражданином будет хапуга и хулиган, где про него сказано, кто он есть на самом деле. Рядом с талантливым управленцем будет вор и взяточник, и о каждом сказано объективно.

В годы массовых репрессий в нашей стране была применена юридическая норма как «член семьи изменника родины». ЧСИР. Это были годы, когда могли оболгать кого угодно и подвести под статью всех родственников, которые не виноваты. Но почему сейчас, когда нет никаких репрессий, никто не боится того, что членов их семей будут называть и отмечать в документах как «член семьи взяточника», «член семьи человека, доведшего подчиненного до самоубийства», «родители устроителя дедовщины в армии», «члены семьи злостного пьяницы» или «члены семьи злостного неплательщика алиментов»? И это все будет сделано по суду и по исковым заявлениям людей, пострадавших от преступных деяний.

Я представляю, насколько трагедийно будет присвоение таких «почетных» наименований. Если бы кому-то сказали, что его сын занимается дедовщиной в армии, то этот человек лично бы приехал в армию по месту службы сына и своим кулаком, потому что внушением это не исправляется, поставил дите свое на путь истинный. Как Тарас Бульба разобрался со своим младшеньким Андрюшей. И не больше и не меньше. Эту гадость нужно выжигать каленым железом.

Или, допустим, всем становится известно, что кто-то приходится отцом или братом, или другим родственником человеку, осужденному на десять лет за изнасилование. Боюсь, что у осужденного останется мало времени на дожитие своей жизни, потому что родственники знают, что нужно делать, чтобы избавиться от позорной приставки. Тогда и потенциальный преступник крепко задумается, нарушать ли ему закон, потому что суд и заключение будет только защитой от гнева близких людей, на которых падет позор совершенного им преступления.

Правозащитники будут возражать, что это неправомерный перенос чужого преступления на непричастных к нему людей. Согласен, если брат или сестра, сын или племянник, внук или отец будут по суду признаны чужими людьми для преступника. Тогда никаких вопросов. При чем здесь чужой преступнику человек? Совершенно ни при чем.

А как быть с тем, что кого-то называют сыном героя труда или сыном человека, совершившего трудовой или боевой подвиг? Какое родственники имеют к нему отношение? Либо сын героя, либо сын преступника. Третьего не дано. Либо состояние чужого человека.

Точно также и со школьниками. Отец отличника учебы или отец тупого ученика и школьного хулигана. Вы думаете, школьник после этого будет хулиганить? Сомневаюсь. А успеваемость его вырастет на двести процентов, потому что абсолютно тупых людей нет. Люди, страдающие синдромом Дауна, показывают настолько поразительные способности, которые не снились человеку с нормальным уровнем развития.

Глава 8

За месяц кропотливой работы, прописывая каждую букву и каждый символ в теле веб-документа, я сделал свой сайт. Зарегистрировался на бесплатном хостинге. Это такая организация, которая предоставляет свободное место для размещения сайта во Всемирной сети. Загрузил файлы сайта на отведенное место со своим собственным интернет-адресом третьего уровня. Кто не в курсе, если в адресе твоя фамилия и домен ru через точку, то это адрес второго уровня. Если до или после твоей фамилии идет название хостинга, то это уже адрес третьего уровня. Так вот, второй уровень – это платные адреса, а третий уровень – это бесплатные. Тут уже думайте сами, стоит ли платить деньги за то, что не принесет много денег или вообще не принесет денег. Это не автобус, где нужно обязательно платить деньги за проезд.

Интернет отнесся к моей идее со смехом. В гостевой книге стали появляться записи типа, а кто ты такой, чтобы учреждать государственную книгу почета всей страны? Ты выучил албанский язык? Афтар жжот. И много еще такого, что не является приятным в беседе вроде бы интеллигентных людей. Но не нужно отчаиваться. Эти люди способствуют паблик рилейшенз, то есть – пиару вашего создания. И чем сильнее ругань, тем больше внимание к нему. Как говорят, не было счастья, да несчастье помогло. Ваши хулители, сами того не понимая, работают именно на вас, и чем больше вой, тем больше любопытных людей, стремящихся узнать, что за шум, а драки нет.

Принцип старый. Человеку некогда зайти в магазин, да и все товары в знакомом магазине ему известны наперечет. Но предприимчивый хозяин магазина вытаскивает на улицу столик и раскладывает на нем те же самые товары или те, на которые никто не обращает внимания, и чудо! Равнодушно проходивший человек, вдруг начинает внимательно рассматривать товары, которые оказались на удалении его вытянутой руки, и он может потрогать их, чтобы оценить качество. И стоит у этого столика собраться толпа в количестве трех человек, как, откуда ни возьмись, набегают другие люди, которым этот товар нужен позарез и именно сейчас, и именно с этого столика, и они не намерены ждать, пока со склада принесут такой же товар.

То же самое произошло и с моим сайтом. Сначала не было никого, потом появились хулители, потом счетчики начали выдавать постоянно увеличивающуюся цифру посетителей. Значит, есть интерес. И я первым повесил свою фотографию на доску почета, расписав себя в стихах и красках. Правильно говорил Козьма Прутков о том, что кто о тебе скажет что-то хорошее, если ты сам о себе ничего хорошего не говоришь.

Я посмотрел на себя на отдельной странице интернета, прочитал, что написано под изображением и сразу почувствовал рост собственной значимости. Да, живет в губернском городе Энске такой парень, молодой, грамотный, знает иностранные языки, пишет стихи, увлекается фантастикой, планирует поступить в аспирантуру и завести семью: жену, трех детей, собаку и отдельный дом в городской черте, и чтобы обязательно была беседка в цветах и японский садик с дорожками. После этого в гостевой книге стали появляться записи девушек с предложениями дружбы и установления более тесных и длительных отношений. Затем пошли заявки на размещение фотографий и информации к ним.

Сначала ко мне обращались пожилые люди. Собственно говоря, вся задумка была обращена именно на них. Но потом появились и молодые люди, которые стремились самоутвердиться в жизни и любой работодатель, набрав в поисковике фамилию, имя и отчество соискателя работы и должности, попадал на доску почета и читал то, что доступно миллионам и миллиардам людей на нашей планете.

Цена за работу была выбрана небольшая в пределах десяти-пятнадцати долларов в перерасчете на рубли. Но зато в течение года фотография будет спокойно находиться на Доске почета, и все могут любоваться ею.

В первый месяц было всего сто клиентов, а потом их количество стало увеличиваться, но с работой я справлялся, и благосостояние мое стало неуклонно улучшаться.

С поступлением первых денег стала возникать проблема их учета и уплаты налогов с прибыли в соответствии с нашим законодательством. Кроме того, надо получить лицензию частного предпринимателя, чтобы работа моя была законной. Я чту уголовный и налоговый кодексы, но если в уголовном кодексе все прописано довольно четко и бескомпромиссно, то налоговый кодекс был создан так, чтобы налоговый орган никогда не оставался без работы. Похоже, что составители обоих кодексов были из одной команды и цели имели одни и те же.

Вот тут-то и наступает период введения в действие новых лиц под видом наемных работников: ответственного исполнителя и бухгалтера. Но как сделать все так, чтобы это не мешало моему основному занятию – преподаванию и не мешало получению дополнительных прибылей?

Сейчас не надо снимать помещение под офис. Вполне достаточно жилого помещения и связи по интернету. Мне кажется, что все, что произошло за последний месяц, было устроено Люцием Фером. И интернет был изобретен именно им, чтобы предложить его мне в обмен за мою душу.

А что собственно произошло? Разве мы не продаем свою душу денно и нощно, нанимаясь на работу или поступая к кому-то в услужение?

«Воистину, Аллах купил у верующих их жизнь и имущество в обмен на Рай. Они сражаются на пути Аллаха, убивая и погибая. Таково Его обещание и обязательство в Таурате (Торе), Инджиле (Евангелии) и Коране. Кто выполняет свои обещания лучше Аллаха? Возрадуйтесь же сделке, которую вы заключили. Это и есть великое преуспеяние. Это – высший успех». (Покаяние, 111)

Глава 9

Лицензию на предпринимательство я получил быстро. В районной управе мне выписали бумажку-свидетельство с номером государственной регистрации физического лица как индивидуального предпринимателя. Сейчас я был легализованным капиталистом и уже никто не мог мне предъявить обвинение в незаконной предпринимательской деятельности.

Не буду утомлять мелочами предпринимательства, заботами о выплате заработной платы нанятым сотрудникам и прочем. Скажу просто, что с увеличением количества денег в кармане, у человека увеличивается количество проблем. И в этом не обошлось без влияния Люция Фера.

Никогда не слушайте разговоры о том, что вот богославы такие и сякие и что только у богославов беспорядок и тому подобное. Не так давно наши ученые расшифровали геном богославского человека. Оказалось, что он ничем не отличается от геномов других людей европейской расы. Один к одному. Вся разница заключается в живучести принципа о расовом превосходстве западноевропейцев перед богославами. Все, что есть у нас, есть и на Западе. Просто Запад в течение длительного времени воспитывали кострами инквизиции и орудиями палачей на площадях, розгами в семьях и школах, прививая им черты, выработанные религиозными реформаторами. Вот и получилось, что свободолюбивые богославы остались свободными от рамок, за которые нельзя выходить благовоспитанным европейцам.

Рэкет придуман не богославами. Если бы мы его выдумали, то он бы так и назывался – вымогательство и все иностранцы корячились бы от натуги, выговаривая это незнакомое слово, вошедшее в их словари. А пока это мы как обезьяне выговариваем иностранные слова типа плюрализм, спикер, упс, хай, прайвеси, тинэйджер, консалтинг, мерчендайзер...

Не спорю с тем, что применение иностранных слов обогащает язык, но не засилье этих слов, которые непонятны абсолютному большинству населения.

Но суть не в языкознании. Пришли ко мне трое ребят с бритыми затылками и представились страховыми инспекторами страховой компании «Все путем!».

– Давай, – говорят, – мужик, страховаться будем.

– От чего страховаться? – не понял я.

– Ты че, в натуре? – сказал старший. – От рисков в предпринимательстве. Бизнес – это штука рисковая и от него страховаться надо.

– От бизнеса страховаться? спросил я.

– Ну, ты даешь, – засмеялись мои гости в моей съемной квартире, – от риска страховаться. Вдруг квартира твоя загорится. Что делать-то будешь?

– А квартира здесь причем? – не понял я.

– А просто так, к слову пришлось, – сказал старшой. – Так что страховаться будем так. Каждый месяц будешь сдавать вот этому пацану двадцать процентов от прибыли, он финансист и по ведомостям проверит, и ничего с твоей квартирой не сделается.

– А как с бизнесом? – спросил я.

– С бизнесом само собой, – важно сказал старший, – чем больше будешь зарабатывать, тем больше будут эти двадцать процентов. Так что, успехов тебе, капиталист.

– А как я документально буду отчитываться за эти двадцать процентов? – спросил я.

– А вот это нас не касается, – сказал старшой, – как хочешь, так и отчитывайся. Мы не бюрократы, бумагами себя не обременяем. Если что, то контракт кровью подписываем, как у того, который на базаре душу свою продал. Понял, старичок?

И ребятки удалились. Весело. Лучше прекратить бизнес сразу. На нет и суда нет. Законной защиты нет. Обращаться за помощью к таким же, но только в форменном мундире? Но они быстрее договорятся между собой и будут доить с двух сторон. Одна надежда на Люция Фера.

Я достал из кармана подарочный «Паркер» и стал писать заявление.

– Уважаемый друг, Люций Фер, – писал я красными чернилами, – сложилась некрасивая ситуация, из которой очень трудно найти выход без вашей испытанной веками методики...

В этот же вечер встревоженная дикторша местного телевидения торжественным голосом передавала сообщение о том, что большая часть страховой компании «Все путем!» где-то подхватила вирусную инфекцию, которую врачи уже успели назвать синдромом Квазимодо.

– Их так скрючило и, скажу вам по секрету, – тут дикторша перешла почти на шепот, – что живший в соборе Парижской Богоматери настоящий Квазимодо был ангелочком по сравнению с ними. Одновременно с этим, – голос дикторши приобрел нотки железа, – в правоохранительные органы поступила неопровержимая информация о том, что страховая фирма занималась рэкетом местных бизнесменов. С нами на связи ответственный работник областной прокуратуры.

На экране появился молодой человек с полковничьими погонами. Если бы он служил в армии, то полковничьи погоны достались бы ему со значительным возрастом и достаточным количеством седых волос в шевелюре. В любой милитаризированной стране, взять, к примеру, Германию до 1945 года или Богославию до 1954 года, мундиры и погоны гражданских некомбатантов, то есть непосредственно не участвующих в военных действиях, отличаются от военных мундиров и присвоенных им знаков различий.

– Да, к нам в правоохранительные органы поступила неопровержимая информация о том, что сотрудники страховой фирмы «Все путем!» занимались рэкетом, – сказал он. – Неопровержимость полученной информации вызывает подозрение в ее подлинности...

Тут лицо работника правоохранительных органов исказилось и его скрючило так же, как и руководителя страховой фирмы.

– Вот видите, насколько опасен синдром Квазимодо для общавшихся с заболевшими, – взволнованно сказала дикторша, – а вакцины против этого синдрома пока не изобрели.

– Есть вакцина против этого синдрома, – удовлетворенно подумал я, – а ведь я никуда не направлял жалобу. Люций Фер сам ее увидел. Значит, где-то рядом ходит. Вот бы его в руководители нашего государства, тогда о коррупции писали бы только в фантастических романах, а по количеству Квазимод Богославия была бы, как обычно, впереди планеты всей.

Глава 10

С ростом моих доходов я заметил, что моя бухгалтерша стала смотреть на меня глазами, покрытыми поволокой. Тоже синдром, но допускать любовные отношения со своим бухгалтером может только самоубийца.

Ладно, с бухгалтером все понятно. Нужно постоянно контролировать ее работу и все будет нормально. Хуже то, что к деньгам начинает липнуть всякая нечисть.

С рэкетом разобрались, но вдруг, откуда ни возьмись, набежали «друзья», которые тебя раньше и видеть не видели в упор, и знать не хотели знать, а сейчас:

– Боже, а мы все думали, ну куда же ты подевался, а ты, оказывается, времени даром не терял. Ну, давай, рассказывай, как ты дошел до всего этого, как мы можем сделать совместный бизнес...

Мой почтовый ящик в мгновение ока оказался завален огромным количеством писем-предложений по различным вопросам. Торгово-промышленная палата приглашала меня вступить в свои ряды. За немаленький взнос мне обеспечивалось поступление экономической информации и своевременное приглашение в деловые поездки по регионам Богославии и всем странам мира, которые меня интересуют. Устроители различных конкурсов и выставок приглашали меня на свои мероприятия, обещая мне за приличную плату обеспечить самое почетное место и за дополнительную плату вручить либо золотую медаль выставки, либо присвоить звание «Гордость Богославии» или «Менеджер года».

Отдельной строкой нужно отметить предложения о награждении любым, на выбор, общественным орденом. За скромную плату от пяти тысяч до миллиона современных богославских рублей можно получить любую степень орденов Ильи Муромца, Ивана Калиты, Владимира Мономаха, Гавриила Державина, Екатерины Великой, Петра Великого, за обустройство земли богославской, Патриота Богославии, гордости Богославии, за пользу Отечеству, славы Богославии. В честь награжденного будет проведена торжественная церемония прямо в Кремлевском дворце, будет поздравление от высших должностных лиц, торжественное возложение орденских знаков, лент и вручение документов о награждении. За ваши деньги – все, что угодно!

Мешками приносили письма о меценатстве, спонсорстве, вспомоществовании, инвестициях, добровольных пожертвованиях в избирательные фонды неких кандидатов и партийных деятелей. Похоже, что это не только я сподобился получить такое количество информации о том, как мне распорядиться появившимися у меня деньгами.

Как отличить действительную нужду людей от откровенного мошенничества, которое толпой идет за Буратиной с тремя золотыми сольдо на содержание папы Карлы?

Кстати, я тут узнал, что название денежки сольдо происходит от слова солдат. То есть тот солдат, который был нанят за эту денежку под названием сольдо и жизнь которого ценится так же, как и это сольдо. Под название сольдо у нас подходит много контролирующих и правоохраняющих органов, которые низвели предпринимателя до потенциального преступника, чем бы он ни занимался. Если у него минимальная прибыль, то его не трогают, потому что с него нечего взять. Если он работает в ноль, то ему предъявляют обвинение в том, что он имитирует предпринимательскую деятельность. Если предприниматель в результате своей деятельности получил убытки, то его обвиняют в хищении своих же средств. И так, и так за все полагается тюрьма.

Если дать всем желающим по рублю, то денег и не останется. И каждый человек ждет ответа на свое письмо и будет обижаться, что предприниматель не раскошелится на его нужды, совершенно не представляя того, что большинство предпринимателей работает либо в ноль, либо в такую прибыль, которая только и позволяет им обеспечить свое существование и поддерживать на плаву бизнес.

Ладно, с этими письмами проще. Скомкал и бросил в корзину. Лучше сжечь, чтобы вся отрицательная энергия улетучилась во Вселенную, где ее подберет Всемирное Зло. Сложнее дело с предписаниями надзорных органов и различных фондов, которым налоговая инспекция рассылает информацию о появлении нового налогоплательщика.

Нет, это регистрационная палата рассылает всем информацию о том, что появился новый субъект предпринимательской деятельности, который нужно взять в оборот. И берут в оборот, даже тогда, когда ты еще ни копейки не заработал. Платишь в фонды реальную деньги, хотя и деятельности никакой нет. А этого никого не касается, раз прокукарекал, то садись и неси яйца.

Кстати, о яйцах. О них даже стишок у меня сложился.

*Я клад раскопал неразменных рублей,
В земле не оставляю, ведь я же не грек,
Все деньги отдам я на счастье людей,
Яиц накуплю как магнат Зитценберг.*

Раньше я думал, ах, какой же молодец тот человек, который не пожалел двести-триста миллионов долларов, чтобы выкупить драгоценности, которые принадлежали царскому дому и были тайно вывезены за границу. Все богославское возвращается домой. И тут же спрашиваю себя:

– А ты отдал бы вот так, за просто так, сто миллионов своих долларов только для того, чтобы граждане могли любоваться изделиями Фаберже в государственном музее?

И сам себе отвечаю, что ни хрена бы не отдал сто миллионов своих долларов. Но мог бы вложить деньги в твердую валюту – драгоценности. Отдал бы их на временное хранение государству, чтобы самому не тратиться на охрану. Но когда мне потребуются деньги, я возьму эти яйца и выставлю на аукцион, или государство может их выкупить у меня по рыночной цене. Бизнес и меценатство это две разные вещи. Не нужно их путать.

Следующая категория – это родственники и знакомые. Их количество увеличивается в геометрической прогрессии. Все разговоры сводятся к тому, чтобы выяснить, а сколько я получаю денег и сообщить, что вот у такого-то нет квартиры, а вот у того-то день рождения, а вот такой-то хотел бы получить в подарок велосипед, а вот у дяди Коли машина поломалась и ему сказали, что ремонт обойдется в такую-то сумму, а вот у соседей сын вложил деньги туда-то и сейчас живет как сыр в масле...

Ну, разве для этого я продавал свою душу?!!!

Глава 11

Честно говоря, я точно не знаю, действительно ли в моем финансовом успехе повинен Люций Фер или все это только результат моей предприимчивости и приложения своих знаний и умений в нужном месте и в нужное время.

Гордыня говорит, что это я сам сделал. Глас совести бубнит где-то внутри, что без помощи Люция Фера мне было бы очень трудно собрать аудиторию лиц, обиженную вниманием в своих странах, как в сильно демократических, так и в сильно недемократических обществах, где человек остается наедине с самим собой и никто не знает, кто живет рядом с тобой и чем знаменит тот или иной индивидуум. Кто-то же подвигнул их отказаться от ложной скромности и во весь голос заявить о себе?

Горе Богославии заключается в том, что народ богославский мыслит себя массой, которую должны вести за собой цари. Те, кто вырывались из массы, снова впахивались в эту массу и только единицы возводились в классики, и только им позволялось восхвалять себя и Богославию. Других, равноценных, гнобили откровенно и безжалостно.

– Для Богославии и одного Пушкина достаточно, – говорили одни цари.

– Для Богославии и одной Пугачевой достаточно, – говорили другие цари.

И только Запад ничего не говорил, готовя одно нашествие на Богославию за другим. Запад знал, что если Богославия освободится от оков самодержавия и социалистического тоталитаризма, то творческое начало выведет ее в число самых развитых и сильных стран мира. Но первое, что сделали «освободители от оков тоталитаризма», они разрушили великое государство до основания. И все.

До сих пор народ в нашей стране живет сам по себе, и правительство живет само по себе. Оно делает вид, что управляет страной, а народ делает вид, что подчиняется управлению, по своему наитию тормозя реформу, уничтожение самой совершенной системы образования и развивая предпринимательство в обход мер, направленных на уничтожение его. Народ, выживший во время монгольского ига, затем ига одной партии, выживет и во время ига другой партии и ее приспешников.

Генетически и на подсознательном уровне народ наш напевает про себя гимн непонятной революции. И не понятно, революции ли? Может быть, эволюции? Может, об этом говорил француз Эжен Потье:

*Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.*

Так кто же такой ни Бог, ни царь и не герой? Вы еще не догадались? А я уже догадался. Это Люций Фер. Там, где находится его епархия, основным элементом является горн и горячее железо. И, похоже, что я избран им для того, чтобы объединить людей посредством создания Всебогославской, а потом и Всемирной доски почета граждан, где будут находиться люди, заявившие о желании жить активной жизнью в свободном обществе. В обществе, где законы будет определять народ, а не законы будут определять рамки жизни свободных граждан.

Я был бы не я, если бы не сидел и не размышлял о том, а что же будет потом. Через сто лет. Через двести лет. Разум говорил мне:

– Так ли тебе важно, что будет через сто лет, когда тебя давно не будет, никто не будет знать твоего имени, и не будет догадываться, что ты жил на белом свете?

– Да, мне это важно, – говорила моя сущность, – я для того появился на этот свет, чтобы оставить здесь след и сделать то, что окажет влияние на ход всей истории и через сто, и через двести лет.

– Я умолкаю, – сказал мой разум, – с сущностью богославского человека спорить трудно. Если тебе не переломают ноги, то ты добьешься всего, что хотел.

Я добьюсь, это точно, но мне нужно поговорить с Люцием Фером. Обговорить все, что касается будущего.

Мои дальнейшие мысли прервал звонок в дверь. В дверях стоял аккуратно одетый мужчина, держа в руках раскрытое удостоверение в красных корочках.

– Федеральная служба безопасности, капитан Федоров, – четко доложил он, – предъявите ваш паспорт и распишитесь в получении повестки.

Я расписался и взял серенький листочек. Капитан ушел. В повестке написано: «Такого-то числа гражданин Алексеев Алексей Алексеевич приглашается на прием к начальнику управления Федеральной службы безопасности Богославии по Энской области генерал-майору Митрофанову Леониду Ивановичу. В случае неявки в указанный в повестке срок, лицо может быть подвергнуто принудительному доставлению по указанному адресу».

Как говорится, насильно мил не будешь, но лучше не вынуждать к применению силы.

Глава 12

Кабинет начальника управления безопасности был просторным и светлым. Не было никаких дубовых панелей а ля Николай Ежов и тяжелых двухтумбовых письменных столов жандармского управления последних императоров Богославии с обязательным чернильным прибором каслинского чугунного литья и жестяной табличкой ХОЗУ НКВД. И генерал был не в форме, а в модном костюме, и возрасту ему было чуть более сорока лет.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич, – приветливо сказал он, – вы хотели встретиться со мной? Желание народа – закон для нас. Вы хотели поговорить о своем будущем? И мы хотели поговорить о вашем будущем. Присаживайтесь поближе к столу.

Я был просто поражен. Неужели Люций Фер проник в святая святых нашего государства – неподкупные органы безопасности? Да, хотя, какая это святая святых? И органы безопасности делают не то, что предписывает закон, а то, что им прикажут сверху. Вся неподкупность заключается в том, что они по приказу делают то, что другие делают за большие взятки. Вот и вся разница.

Сначала органы безопасности были под неусыпным партийным контролем и, Боже упаси, если в поле зрения попадет член ЦК КПСС и выше и их родственники. В этом случае чекисты должны были срочно сжечь или сжевать без соли полученные компрометирующие материалы и бежать с этого места без оглядки, забыв о том, что произошло. Даже в эпоху самодержавия органы дознания и контрразведки имели больше прав, чем с 1917 года и по наше время.

Не будем касаться чекистских органов времен Дзержинского. Была задача полного уничтожения дворянства и разночинцев, составлявших большую часть интеллигенции. И была дана полная свобода на уничтожение образованного класса в Богославии. Так что, свобода свободе рознь.

Потом эту свободу направили на создание Беломорско-Балтийского канала, ДнепроГ-ЭСа, Байкало-Амурской магистрали, лесозаготовки и прочие объекты народного хозяйства, куда не хотели идти нормальные граждане, коих не коснулась чистая рука людей с холодной головой и горячим сердцем.

С начальником управления ФСБ-НКВД я встречаться не хотел. Даже в мыслях не было, но повестку вручили сразу, как только я захотел встретиться с Люцием Фером.

– Прежде чем рассказать вам о вашем будущем, мы хотели бы послушать вас о вашем будущем, как вы его представляете, – ласково сказал генерал Митрофанов.

– А чего меня слушать? – пошутил я. – Я же не соловей и предсказаниями никогда не занимался. Вы меня вызвали, вот и расскажите мне о моем будущем. Ваше ведомство располагается в бывшем здании губернской епархии, тут немало исповедей было и пророчеств всяких. Я послушаю, может, и поддакну в чем-нибудь.

– Интересный вы человек, Алексей Алексеевич, – сказал с улыбкой генерал, – интеллигент, учитель, не сидели, а говорите, как прожженный уголовник, которому терять нечего. Времена сейчас новые, закон блюдем, невинных людей не обижаем, а нам все тридцатые годы прошлого столетия поминают. Нехорошо это.

– Может, и нехорошо это, господин генерал, – ответил я, – да только то, что было, из памяти народной еще лет двести не вытравишь. Если мы про это помянуть не будем, то станем совершенно слепыми.

– Как это слепыми? – не понял генерал.

– Очень просто, – улыбнулся я, – кто старое помянет – тому глаз вон, а кто старое забудет – тому оба глаза вон. Если вам не напоминать, так и ослепнете по Божьей заповеди.

– Вот оно что, – сказал протяжно начальник управления. – А для какой цели вы создали эту доску почета? Кто вас уполномочил на это дело? Это как награда, а награждать имеет право только государство и органы, этим государством уполномоченные.

– Так это государство уполномочило за четыре миллиона рублей награждать людей золотым орденом с бриллиантами «Почетный гость Богославии»? – отпарировал я. – А губернаторы и министры, увешанные плечевыми орденскими лентами общественных орденов, это все с согласия государства делается?

– Ну, захотелось человеку кавалером блестящего ордена с лентой побыть, – засмеялся генерал, – купил орден, покрасовался, но ведь потом-то он его никому и не показывает, чтобы на смех не подняли.

– Так и я помогаю людям быть на виду, – сказал я, – они люди заслуженные, доходы не позволяют им ордена покупать, а те, кто представляет к награждению, представляют только удобных людей, вот они и находят отдушину у меня. Вы должны мне спасибо сказать, что я волну народного недовольства властью сглаживаю.

– Вот и я позвал вас, чтобы сказать спасибо за это и договориться с вами на тему доведения до этих людей нужной нам информации, – сказал Митрофанов, – формирования, так сказать, нужного общественного мнения, чтобы ваше будущее было безоблачным и беспроblemным.

– Ловко вы завернули, – улыбнулся я, – как это по-детективному? Вербовка в форме прямого предложения с элементами психологического воздействия? Чтобы делать такое предложение, нужно быть твердо уверенным в том, что это предложение будет принято. А если я не соглашусь?

– А ничего страшного, – сказал генерал, – будем считать, что не договорились и будущее ваше мы гарантировать не можем. Пустим все на самотек. Вы, кстати, гипнозом не увлекаетесь?

– Гипнозом? – переспросил я. – С чего бы это и почему вы задаете мне этот вопрос?

– Рэкетеры из страховой компании получили не синдром Квазимодо, – сказал Митрофанов, – это результат гипнотического воздействия на психику человека. Пока не известно, кто у нас в регионе такой сильный гипнотизер. Все имеющиеся гипнотизеры так и не могли ничего сделать. Вы подумайте, может этим бедолагам можно помочь?

– Вы считаете, что рэкет можно продолжать, главное снять воздействие на бандитов? – спросил я.

Генерал махнул рукой, как бы показывая, что он ничего с этим сделать не может, крыша сильна и дал понять, что наша аудиенция окончена.

Нет, это не Люций Фер. Кишка тонковата. Все около вертикали власти кормятся. Царю служат, а не закону и государству.

Глава 13

Я шел по улице и думал, для чего я всем сдался? Живу себе и никого не трогаю, но почему вся государственная и негосударственная машина вдруг начала крутиться вокруг меня? А, может, это я так думаю, а вокруг меня ничего не крутится. Жизнь идет так, как и шла, но дома в почтовом ящике я вдруг увидел письмо в голубом конвертике со штампом областной администрации. Открываю. Приглашение на встречу с губернатором. Дата и время. Номер телефона, по которому мне нужно позвонить, чтобы за мной прислали машину. И никаких угроз насильственного препровождения пред начальственные очи.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич, – любезно сказал губернатор и указал рукой на глубокое кожаное кресло, стоящее рядом с резным столиком красного дерева.

Обстановка в кабинете своим богатством, изысканностью и шармом начала двадцать первого века говорила о том, что вы находитесь во владениях миллиардера, которому некуда девать свои деньги. Он тратит их на то, чтобы набивать ассигнациями диванные подушки и спинки высоких готических кресел вдоль огромного из ценных пород дерева стола для совещаний с подчиненными.

– Сок, коньяк, кофе? – Он махнул рукой и из подсобной комнаты выкатился столик со всем этим.

Столик выкатился не сам. Его катила дама с белыми крашеными волосами, в белой блузке, черной юбке и в туфлях на высоком каблуке. Эта одежда так подчеркивала живописные формы дамы, что редкий человек не испытает мгновенного желания овладеть этой женщиной немедленно. Продумано все до мелочей. Особенно бросались в глаза хищные ногти-когти, покрашенные в ядовито-желтый цвет.

Я помню этого губернатора еще с первых, с выборных сроков его правления. Тогда бы он был, как говорится, от сохи. Первый президент назначил его губернатором из председателей облисполкома, но к концу первого срока правления создалась ситуация, что народ больше его не изберет.

Как мне рассказывали некоторые мои знакомые, губернатор разогнал всех приставленных к нему имиджмейкеров, но первый президент ласково поговорил с ним по телефону и сразу начались метаморфозы с человеком, бывшим начальником строительного треста и с методикой управления строителями.

Первой изменилась прическа. Прилизанные волосы с проборчиком, разделяющим волосы на правую и левую пряди, сменились модельной стрижкой, удлинившей голову и придавшей ей приятную форму. Серый костюм «а ля зав клубом товарищ Огурцов» сменился на темно-синий однобортный костюм от модных портных в одной из западных стран. Рубашка, галстук и главное – манеры. Задумчивость и загадочность с жестом значительности правой руки.

И он выиграл первые выборы, потому что это было внове, и никто не смог представить чего-то более значительного. Все-таки, административный ресурс – это великое дело. Потом переизбрания пошли своим чередом. Тут бы ему по закону и оставить должность, как человеку, отслужившему два срока подряд, но грянула мода на губернаторские назначения, и он в пятый раз стал губернатором. Люди так и смеялись, что произошла сокрушительная победа демократии в Богославии.

Губернатор ходил вокруг меня и что-то говорил, поднимая руку с жестом многозначительности. Из всего множества слов я понял, что, оказывается, я стал самым значительным бизнесменом в области, соединившим значительные финансовые средства и возможность оказания влияния на сто тысяч человек во всем мире, что дает мне возможность в любой момент провести виртуальный съезд и создать политическую партию Всебогославского или Всемир-

ного типа. Поэтому мне предлагается занять пост руководителя управления по партийной работе в администрации области.

– Спасибо за доверие, господин губернатор, – сказал я, – но государственная должность предполагает закрытие бизнеса и не иметь никаких связей с ним.

– Боже мой, – заулыбался губернатор, – ну кто же сегодня смотрит на эти мелочи? Посмотрите, везде первое лицо – высший государственный чиновник, а его жена гениальный и преуспевающий бизнесмен. Передадите все своей жене, а сами займетесь партийными делами. Тут у нас намечаются интересные мероприятия, – и он подмигнул мне, подняв вверх большой палец.

– И здесь незадача, – сказал я, – я пока не женат.

– Да разве это проблема, – сказал губернатор, – мы вас сейчас женим на самой завидной невесте, породнитесь с немалыми финансами, войдете в состав региональной элиты. Да передайте свой бизнес какому-нибудь родственнику, а мы уж за ним присмотрим, проконтролируем, так сказать, – губернатор, похоже, стал раздражаться тем, что я не кинулся к нему с благодарностями за предложенную мне должность, а сижу и размышляю о своем бизнесе. А бизнес у меня получился немалый. Сто тысяч человек размещено на моей доске почета и каждый уплатил мне за работу по пятнадцать долларов. Количество участников месяц от месяца растет и все это за каких-то три месяца.

– Мне нужно подумать, господин губернатор, – сказал я.

Губернатор остановился и удивленно поглядел на меня. Вероятно, не часто его речи заканчиваются таким обломом.

– Ну, думайте, – сказал он разочарованно, сел к своему столу и начал разбирать бумаги.

На следующий день в мою квартиру пришли представители пожарной инспекции с предписанием проверки пожарного состояния объекта по моему адресу.

– Извините, – сказал я пожарным, – я не заказывал комиссионную проверку пожарного состояния моей квартиры.

– Нас это не касается, – сказал пожарный майор. Наверное, его можно было назвать и брандмайор, – этот адрес указан как юридический адрес индивидуального предпринимателя, и мы обязаны проверить его на пожарную пригодность.

Пока мы разговаривали, его помощники исписывали листки своих блокнотов, находя пожарные нарушения на каждом шагу.

– Мы опечатаем это помещение как опасный в пожарном отношении объект, – сказал брандмайор.

– А как же я? – удивленно спросил я.

– А нас это не касается, – сказал майор. – Устраните нарушения, и мы снова направим комиссию для проверки. А сейчас вы должны покинуть это помещение в течение получаса.

Я забрал системный блок своего компьютера, взял туалетные принадлежности, портфель с тетрадками, оделся и вышел из квартиры. Пожарные наклеили на дверь бумажку с печатями и предупредили, что нарушение целостности ее влечет за собой от административной до уголовной ответственности.

Пока мы стояли у дверей, подошло еще три человека.

– Вы как на пожар прибыли, – засмеялся старший из прибывших. – Потребнадзор не всегда за вами успевает. Вы ответственный за помещение? – обратился он ко мне.

Я кивнул головой.

– Вот как устраните нарушения пожарного надзора, так ждите нашего прибытия. Можете даже подготовиться, – и они вместе пошли к выходу, обсуждая что-то на ходу.

Я стоял и думал о том, что это не проделки Люция Фера. Но и без его участия дело не обошлось.

Глава 14

Я стоял на улице и не знал, куда мне идти. Хорошо, что я холост. А если бы меня выгнали из квартиры вместе с семьей? Это даже дико представить, но сколько примеров того, когда государственные органы выкидывали людей из своих квартир? Все эти случаи даже не перечтешь. Народное государство. Капитализм с человеческим и народным лицом. Я даже взятки не стал предлагать, потому что люди пришли подневольные, им дали задание, и они бегом помчались его исполнять. Предложил бы взятку и был бы привлечен к ответственности за взяткодательство. Тут любой взяточник встанет на сторону закона, и с болью в сердце будет доказывать свою кристальную честность и бессребреничество в вопросах исполнения служебного долга. Ему за это еще орден какой-нибудь дадут или медаль.

Может, подать на них в суд? Можно. И суд опротестует их действия, потому что это настолько вопиюще, что пробы ставить некуда. Хотя и на суд надежды тоже маленькие. Независимость судов – это раздел нашей богославской жизненной фантастики. Скажут – оправдают, скажут – осудят. А не сделают так, как им сказали, то потом пожалеют. Но нужно время, чтобы в суд заявление подать и доказательства беззакония предъявить. А дело к вечеру, да и морозно на улице. Пойду в гостиницу. Слава Богу, что времена изменились, и никто не будет до меня докапываться, почему это я с местной пропиской вдруг поселяюсь в гостинице.

Я поселился в гостинице и поужинал в ресторане. Знаете, это даже неплохо. То я готовил ужин себе, а тут все принесли уже готовое, и все с поклонами и улыбками для поднятия аппетита.

После ужина я принял душ. В самом хорошем расположении духа с пультом от телевизора в руках завалился в мягкую постель на скрипучую кровать.

В телевизоре было весело как во время застоя при незабвенном Леониде Ильиче Брежнев, когда новости и нововведения сыпались одно за другим. То пленум ЦК КПСС примет постановление о работе с письмами граждан, то постановление о развитии рационализаторства и внедрении новых идей в производство и в управление.

Новации и инновации.

То какого-нибудь деятеля награждали высшим орденом в честь юбилея или в связи 50, 55, 60, 65, 70, 75 и 80-летием.

То комитет по Ленинским и Государственным премиям объявлял лауреатов на нынешний год.

То выборы в Верховные и местные советы от нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

То о выпуске новой народной модели на Тольяттинском автомобильном заводе для удовлетворения все возрастающих потребностей советских людей.

То о преодолении дефицита в туалетном мыле и зубной пасте. Мойтесь на здоровье, дорогие советские граждане.

То вдруг речь заходит о генофонде единой общности советский народ и выходит грозное Постановление ЦК о борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Все так знакомо, что заменяй те фамилии на фамилии нынешних руководителей и все будет так же, как и было. За исключением того, что великого государства не стало. А оно, может, и к лучшему. Нехай живут сами по себе те, для кого все отправлялось в первую очередь, оставляя во второй очереди население Богославии. Если бы не воровали, то и жили бы мы как при коммунизме.

Нужно сказать прямо, что Великая Богославия была империей. Национальной империей, как и все другие исторические империи. А национальные империи закономерно распадаются. Но и «чистая» Богославия так и осталась национальной империей. Кроме областей и краев есть

национальные республики, пытающиеся ввести свои государственные языки в ущерб государственному. В каждой республике свои президенты, правительства, академии наук и прочие атрибуты государственности, включая конституции, гербы, гимны и флаги. Подспудно готовятся национальные военные кадры, готовые на базе имперских вооруженных сил создать свою оборону. Органы безопасности и внутренних дел по виду как бы федеральные, а по сути – национальные. И федерация – это временный союз национальных субъектов. Уж до чего был крепок прежний Союз, и тот мгновенно развалился при отсутствии репрессий и исчезновении единой коммунистической партии.

В гостинице была трансляция только разрешенных государственных каналов, по которым шла разрешенная информация о событиях нашей жизни.

Все у нас хорошо, хотя кое-кто и кое-где у нас порой честно жить не хочет. Милиция перехлестывала в своем усердии по наведению порядка, за что ее были вынуждены критиковать.

Повсюду катастрофы, пожары, аварии, кровь льется рекой. На дорогах идут настоящие сражения. В год от дорожно-транспортных происшествий погибает примерно три дивизии богославских граждан и не менее девяти дивизий получают боевые травмы.

На одной сибирской ГЭС два дня болтало в разные стороны энергоблок. Доболтало до такой степени, что турбину сорвало с креплений и весь машинный зал залило в мгновение ока, не оставив никому шансов на выживание. Не помогла надежда на авось, а десятки семей осиротели. Электростанция частная. Деньги за электричество гребли немалые, а ремонтом занимались спустя рукава.

Такое при Леониде Ильиче не показывали. Народ не травмировали. Весь мир запасался дозиметрами, бросал огромные средства в изучение методики лечения лучевой болезни, а мы спокойно себе жили, зная, что на Припяти хлопнул энергоблок и его успешно заглушили. Меньше знаешь, крепче спишь.

Наше руководство и до сих пор крепко хранит секреты полишинеля, о которых знает весь мир.

Наши, не моргнув взглядом, бодро отвечают: ничего не знаем, таких сведений нет, это все пропаганда и враждебные выпады против нашего государства. Зато потом, когда уже некуда деваться, скромно говорят: надо же, действительно, в углу бумажка завалилась. Да, лежал с голой женщиной в постели, но я ни-ни, к ней даже пальцем не притронулся, хотя лежал на ней сверху. Это случайность.

Кого хотим обмануть? Лучшая оборона – это нападение. Хотите ясности по такому-то вопросу? А получайте эту ясность. Пусть весь мир на вас полюбуется, какие вы были в свете этой ситуации. Но кто на это пойдет? На это нужна политическая воля. И слово нужно веское иметь, а не гадить себе же на выборах в соседних республиках, заведомо обрекая на поражение тех кандидатов, которые были бы меньшим злом для нас.

Когда нет друзей, то нужно всех врагов делать друзьями, а для этого нужно учиться у наших врагов и не стесняться делать то же, что и они. Среди волков нужно быть волком, среди тигров – тигром, главное – не оказаться бараном среди баранов. А мы пока в стаю волков не влились.

А все почему? Да потому, что пока в стране правит коррупция, Богославии не бывать в числе мировых держав и не решить вопрос социальной справедливости. В угождение Богу злата, край на край встает войной. И людская кровь рекой по клинку течет булата, люди гибнут за металл, люди гибнут за металл...

Глава 15

Утром я встал с бодрым настроением и с намерением, что если кого-то и посылать, то посылать нужно прямо и громко.

В школе на меня все поглядывали как-то искоса, и никто не пытался со мной заговорить.

После уроков меня вызвала директорша и спросила, не хочу ли я взять на какое-то время отпуск и за свой счет. Я тут же написал заявление и отдал его в директорские руки.

Все понятно. Обкладывают со всех сторон. То ли еще будет.

Я нанял такси и подъехал к дому. На лестничной площадке около моей квартиры стояли два родственника и тихонько разговаривали.

– Нет, ты смотри чего удумал, ленту наклеил от пожарной инспекции, чтобы мы к нему домой не приходили, куркуль недорезанный, – говорил один родственник.

– Да он с детства такой прижимистый был, сейчас в деньгах купается, а нам хоть бы по миллиону дал для того, чтобы гульнуть вволю, – сказал другой.

Я тихонько развернулся и вышел на улицу. Заехал домой к бухгалтерше. Она тоже работала на дому. Квартирка тесная, а бумаг становится все больше. Дал задание подобрать одну квартиру для меня, а другую как служебную – для нее. Оформление документов проверю сам.

Я еще не привык быть богатым. Трата денег для меня представляла некоторую трудность. Сам термин «трата денег» глубоко порочен. Деньги зарабатываются не для того, чтобы тратиться, то есть утрачиваться. Расходы – это экономическая категория, связанная с выбытием денежных средств и имущества для приобретения новых средств и имущества. И расходы, как правило, связаны с дальнейшим развитием своего дела.

Как только увидишь человека, который хапнул толику денег и сразу побежал устраивать многодневные празднества в ресторане или начал игру в казино, то от этого человека нужно держаться подальше. Это купчишка, который пропьет твои же деньги из совместного дела, или игрок, который мать свою проиграет в карты, а о ваших деньгах даже и не подумает.

И еще есть одна примета. Человек, который берет для себя все самое дорогое, скоро вылетит в трубу. Деньги зарабатываются не для шика, а для дела.

Из представленных мне вариантов жилья я выбрал не квартиру, а отдельный домик в деловой части города. Можно даже сказать, что в центре города. Недешево, но всегда в городе. Когда-то это был старинный городской парк, где гуляли дамы и господа и где потом большевики расстреливали своих врагов. Но потом парк был заброшен, затем окультурен. Правда, окультурена только маленькая часть, а вся остальная территория пущена под строительство резиденций для власть имущих.

Мое решение было похоже на то, как если бы я взял палку и сбил из-под стрехи бумажный домик-шар диких ос. В течение недели мне никак не удавалось оформить документы о купле недвижимости. Что может быть проще, когда ты осмотрел дом и тебе он понравился. Тут же подписывается соглашение-договор, где одна сторона продает, а другая сторона покупает и дается целый перечень того, что покупается с указанием состояния и работоспособности, указывается цена и способ оплаты. Соглашение регистрируется у нотариуса, владелец-продавец выписывает счет, счет оплачивается, новому владельцу-покупателю выдаются все документы и ему не нужно бегать по организациям, подтверждая право собственности и еще раз получая паспорт на дом в бюро технической информации. Все это уже сделано.

Но это у них, а не у нас. У нас все делается по старинке. Купить дом не проблема. Проблемы начнутся потом. Я не буду их описывать. Пусть человек столкнется с ними сам и, если он потомственный интеллигент даже в седьмом колене, то к концу оформления недвижимости будет материться по любому поводу как потомственный сапожник. А все потому, что у нас у власти находятся политики, а не управленцы.

Политик ради достижения консенсуса по всем вопросам плетет паутину бюрократии, пристраивая отпрысков людей, поддержавших его. А у чиновников задача запутать дело так, чтобы распутать можно было только с его помощью.

Помимо огромной паутины, каждый паучок плетет свою паутину. Управленец разрывает паутинные связи и обеспечивает рациональность расстановки специалистов, безжалостно избавляясь от балласта, поставленного на синекуры.

Лед тронулся только тогда, когда мне позвонили из управления внутренних дел и любезно попросили прийти к ним в удобное для меня время для выяснения некоторых вопросов.

– Алексей Алексеевич, – говорил приятный голос, – извините, что беспокоим вас во время отдыха, но мы никак не могли найти вас раньше. Только сейчас случайно узнали, что вы живете в гостинице. Не будете ли так любезны, сообщить нам, в какое время вы сможете зайти к начальнику отдела по взаимодействию с административными органами для выяснения некоторых вопросов.

Я человек отпускной и назвал время одиннадцать часов следующего дня.

На следующий день я сидел в кабинете любезного подполковника милиции и пил вместе с ним чай с лимоном.

– Может, бутербродик с сервелатом? – осведомился хозяин кабинета.

– Спасибо, я не так давно позавтракал, – вежливо отказался я.

До чего же приятно, когда в правоохранительных органах тебя встречают как человека. Работа у них собачья, немного поработаешь и сам собачиться начинаешь. Да ведь только работник дело должен ставить так, что не он собачится, а призывает к порядку тех, кто начинает собачиться. Знаю, что трудно, но это так. Это как учитель, который использует политику кнута и пряника, чтобы учить маленького человека своему предмету, а также научить быть человеком. И по размеру человека должны выбираться размеры кнута и пряника. Иногда пряником печатным можно так припечатать по голове ничего не понимающего человека, что он сразу все поймет и будет еще оправдываться, а чего раньше так прямо и не сказали, а то все намеками да намеками...

Глава 16

– Алексей Алексеевич, будьте так любезны рассказать, как выглядели работники пожарной инспекции и Потребнадзора, когда производили проверку помещений в снимаемой вами квартире? – спросил меня подполковник.

– Нормально выглядели, господин подполковник, – сказал я, – очень даже бодро, энергично, можно сказать.

– Если не трудно, то называйте меня просто Павел Иванович, – попросил подполковник, – а грубостей в отношении вас они не допускали?

– Да нет, грубостей я не отметил, Павел Иванович, – сказал я, – разве что принципиальность профессиональная, но она у каждого должна быть.

– А вы про них ничего плохого не подумали? – спросил подполковник.

– А вы поставьте себя на мое место, – улыбнулся я, – к вам домой придет сотрудник пожарной охраны или Потребнадзора, скажет, что у вас все плохо и что он вашу квартиру опечатывает до устранения всех недостатков, но в квартиру вы не имеете права заходить, потому что она будет опечатана.

– А вы не вспомните, какими именно словами вы их про себя материли? – оживился Павел Иванович.

– Это еще зачем? – удивился я. – Чтобы записать эти слова, задокументировать, так сказать, мои мысли и привлечь к ответственности за оскорбление сотрудников государственных органов при исполнении ими своих служебных обязанностей? Нет уж, увольте. Я про себя возмущался тем, какие это хорошие люди и как бы нам хорошо жилось, если бы все люди были такими же, как они. Но и это я сказал не для записи. А к чему все эти вопросы?

– Видите ли, – замялся подполковник, – у сотрудников, которые приходили к вам, обнаружился синдром Квазимодо средней тяжести.

– Как это средней тяжести? – не понял я.

– Ну, это когда скрючена половина тела, правая или левая часть его и горб растет на скрюченной стороне. Человек с трудом говорит и вообще, с одной стороны нормальный человек, а с другой стороны – настоящий Квазимодо.

– Понятно, – сказал я, – а я-то здесь причем?

– Как вам сказать, – Павел Иванович крутился как на горячей сковороде, – есть предположение, что вы обладаете какими-то возможностями вызывать синдром Квазимодо по уровню ваших отношений с конкретными людьми. Все больные с синдромом общались только с вами, и общение было не самым лицеприятным. Вот мы и пытаемся найти рецепт для лечения этого синдрома, потому что врачи бессильны что-то сделать. Приведение заболевших в состояние гипноза привело к тому, что они дословно рассказывают об их встрече с вами. С вашей стороны ничего предосудительного нет, а вот люди страдают...

– Это кто же страдает, рэкетеры? – ухмыльнулся я. – Может, им еще ордена выдать?

– Что вы, что вы, Алексей Алексеевич, – замахал руками Павел Иванович, – с рэкетом мы разберемся и спуску им не дадим, а как же с остальными людьми?

– С какими остальными людьми? – удивленно спросил я. – Я встречался только с начальником управления службы безопасности, он у вас тут через стенку сидит, и с губернатором. Кто же еще другие люди?

– У начальника управления глаз дергается, а у губернатора щека, – приложив палец к губам, сказал подполковник. – Тут целая цепочка людей, от которых зависит покупка вашего особняка. Если внимательно посмотреть, то можно увидеть исходный элемент этой цепочки, откуда она потянулась. Я даже говорить не буду об этом, чтобы не навлекать на себя неприятности, да и вас сердить не хочу, не пристало мне скрюченным в форме ходить.

– Даже не знаю, что и сказать вам, Павел Иванович, – сказал я. – Прекрасно понимаю, что результаты нашей встречи ждут многие люди, которые совершенно не виноваты в том, что и они стали жертвой синдрома Квазимодо. Я так понимаю, что несправедливые приказы вызывают это заболевание. Дать какой-то определенный совет тоже не могу, сам теряюсь в загадках, но очевидно, и это невозможно отрицать, что синдром поражает тех, кто, мягко говоря, не слишком любезен со мной. Недавно я детям на уроке рассказывал притчу про крошку енота, который ужасно боялся того ужасного, кто живет в озере. Мама посоветовала крошке еноту улыбнуться тому ужасному, кто живет в озере. Кое-как крошка енот заставил себя улыбнуться тому ужасному, и тот ужасный в ответ улыбнулся ему. Может, и в нашей ситуации прибегнуть к тому же рецепту. Дать суду возможность судить рэкетиоров по закону, а не по телефонному звонку. Посмотрите, что станет с Квазимодами после вынесения им приговора. Ведь по сути – Квазимодо человек доброй души, но с уродливой внешностью. Просто синдром Квазимодо исправляет несоответствие красивой внешности и злой души.

– Что-то не понял, Алексей Алексеевич, – переспросил меня подполковник, – повторите еще раз последний тезис.

– Как я понимаю, – сказал я, – синдром поражает людей с красивой внешностью и злой душой. Злой душе должна соответствовать некрасивая внешность. Как они очистят свою душу, так они и могут вылечиться. Но это только мое предположение. Пусть для начала в церковь сходят, грехи свои замолят. Нет, церковь тут не поможет. Вон сколько церквей отгрохали, губернатор на каждый престольный праздник вместе со своими приближенными со свечками стоит, лоб свой крестит, а щека-то все равно дергается. Пусть не побрезгуют со мной связаться да свои прегрешения вежливым словом и очистить. Но еще раз повторяю, что это только мои предположения.

– Спасибо, Алексей Алексеевич, – сказал подполковник, – вроде бы все логично, да только кто мне поверит на слово...

Я открыл рот для того, чтобы спросить о том, почему он сразу не предупредил о том, что будет вестись запись беседы, но подполковник, прижав руки к груди, мне даже слова сказать не дал:

– Алексей Алексеевич, не сердчайте на меня, я человек подневольный, неужели я не знаю требования уголовно-процессуального кодекса? Да и вы не задержанный, и не подследственный, а просто гражданин, которого пригласили только для выяснения некоторых деталей, которые непонятны нам. Как эксперта, так сказать. Все-таки, это моя вина в том, что я не сказал вам о звукозаписи. Нужно было сразу сказать. Вы человек разумный и правильно бы поняли.

– Не беспокойтесь, Павел Иванович, – сказал я, – я на вас зла не держу. Пусть будет записано. Между нами, концовку записи с нашим разговором отрежьте. Ни к чему гусей дразнить.

– Все сделаю, Алексей Алексеевич, – заговорщически шепнул подполковник, пожал мне руку и проводил до дверей кабинета.

Глава 17

Я шел в гостиницу и думал о том, что весь комплекс мер в отношении меня еще и не начинался. Так себе, цветочки, есть еще рейдерство, то есть перехват и отнимание бизнеса, физическое воздействие и высшая степень делового сотрудничества – заказные убийства, которые очень трудно расследуются, потому что следственным органам постоянно и со всех сторон втыкают палки в колеса. Все об этом знают, но делают серьезный вид, морщат репу, говорят суровые слова, грозят пальчиком и все остается там, где оно остановилось.

Все знают, кто останавливает следствие, и все молчат. Получается, что люди, которые мешают, и есть соучастники по этому делу. Вот где нужен синдром Квазимодо. Как только поднял трубку сказать, чтобы там шибко не активничали в расследовании в отношении моего корешка, так человека бы и скорежило со всех сторон. А человек с синдромом Квазимодо – это записная сволочь, на которую и клеймо ставить некуда. Делать ей на государственной службе нечего. Вот тогда другой приспешник преступности в государственных органах прижмется или сам уйдет со службы, чтобы его не выгнали по синдрому.

В нашей стране человек не защищен никем. Он может защищаться только сам и то при попытке самозащиты на него будет брошена вся свора правоохранителей.

Все новостные ленты заполнены сообщениями о том, что в столице подполковник милиции застрелил водителя снегоуборочной машины, задевшего бампер его автомашины. Другой милиционер в Томске забил до полусмерти журналиста, попавшего в вытрезвитель и журналист до сих пор в коме. На Алтае участковый уполномоченный забил насмерть студента. В Москве начальник отделения милиции начал отстреливать как куропаток посетителей универмага. В Пензе милиционера подозревают в похищении людей и вымогательстве. И это сразу после того, как президент пообещал навести порядок в милиции, чтобы граждане не страшлись человека в милицейской форме.

Защита от милицкого произвола будет расценена как применение силы против представителей правоохранительных органов и защищавшегося упекут в тюрьму так, что вряд ли до конца дней своих он выйдет оттуда.

Самих милиционеров, выступивших против преступников в форме, преследуют как закоренелых преступников, возбуждают на них уголовные дела, запрещают прописывать их в других местах жительства, хотя, вроде бы, институт прописки и крепостного права в Божьей отменены.

А попробуй защититься от бандита? Да еще использовать против пистолета палку или кирпич и нанести налетчику увечья? Припишут превышение пределов необходимой обороны и посадят так, что никто даже и руку не поднимет, чтобы защитить себя или ближнего.

Наше народное государство в лице правительства делает все, чтобы численность населения неуклонно снижалась, и чтобы все были этим довольны. А доволен ли этим народ, ему наплевать с большой колокольни. Я это как простой обыватель скажу. Человек, вывезший за границу миллиарды долларов и построивший для иностранцев отель или отель – национальный герой, а человек, написавший и опубликовавший статью по материалам открытой печати – шпион, которого нужно осудить и посадить.

Совершенно ничего не понятно. Дети Божьи творят как бы добро во имя зла. Я продал душу Люцию Феру, но ничего плохого для людей не сделал. Никого не обругал, никого грязью не облил, никого не заложил, никаких законов не нарушил, у соседа квартиру не отнял и не израсходовал сотни тысяч долларов на чистку своих книг от нанопыли из соседской квартиры, поднявшейся снизу вверх. Так кто же является действительным представителем добра на земле? Представитель Бога или представитель Люция Фера?

Приходишь в церковь и стоишь рядом с мздоимцем и растлителем несовершеннолетних. Он держит свечку в руке, и ты держишь свечку в руке. Он шепчет молитву, и ты шепчешь молитву. И что, Господь нас слышит в оба уха? Окститесь, люди добрые! Это только в кино показывали историю о девушке, которая остолбенела, когда попыталась танцевать с иконой Николая-угодника или Николая-чудотворца, епископа Мирликийского.

Вот если бы каждый гад получал на лоб или на щеку печать от Николы-угодника и виде огненной буквы «К» – то есть кат или каин – тогда, может быть, их бы поубавилось. Да если еще после знака Божьего человек получал бы презрение не только от народа, но и от власть предержащих, то зло совсем исчезло бы лет за пятьдесят-семьдесят какой-нибудь власти. А так, только силой Люция Фера нехороших людей или людей, исполняющих несправедные приказы, скрючивает в дугу, как беднягу Квазимодо.

Вот и думайте, кто больше добра несет людям? Пока я вижу, что все зло идет от Божьих людей. Хотя, трудно судить о том, что же бывает там, о чем нам постоянно твердят. О царствии небесном. Никто не знает, что там и не пытаются сравнивать. И никого в сердцах не посылают в это царствие, а наоборот, посылают к черту. Вероятно, бывали там или потому, что это царствие более описано, чем другие. Один только Данте Алигьери побывал там и, вернувшись, изрек истину – «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Но почему и как он вернулся, если у него не было никакой надежды? Значит, если есть надежда, то все может свершиться так, как хочет страждущий.

Ладно, все это теория, а мне нужно жить дальше и крутить головой в разные стороны, чтобы не попасть в неприятную историю.

К концу недели принесли все документы на коттеджик. Все было зарегистрировано и оставалось только поставить подписи. Прямо коммунизм какой-то. Я расписался и заполнил платежное поручение на перечисление денег.

– Можете заселяться хоть сегодня, Алексей Алексеевич, – сказал мне представитель фирмы, протянул связку ключей и пульт дистанционного управления для внутридомовой техники.

Обживать новое жилище я стал постепенно. Сначала нанял приходящую домработницу и водителя автомобиля, который собирался еще купить. Пусть водитель присмотрит хорошую модель, а потом мы ее и приобретем. Жить так жить. Об охране я и не думал. Что может охрана против снайперской винтовки, которая стреляет на три километра? Да ничего. От хулиганов защититься? Так меня Люций Фер защищает почище всякого спецназа.

Глава 18

Когда я пришел за окончательным расчетом в школу, то там меня встретили как родного. Это как в старые времена, когда человек из категории ЧСИР (член семьи изменника родины) возвращался в разряд нормальных людей. Все его радостно приветствуют и все в один голос говорят, что они никогда не верили, что он ЧСИР, хотя только что избегали даже здороваться с ним и шарахались от него как от прокаженного.

– Ну, как же так, Алексей Алексеевич? – сетовала директор школы. – Вы же у нас передовой учитель, все школьники к вам так хорошо относились.

Такое ощущение, что сверху спустили установку – окупать вниманием и заботой человека, от которого все хотели избавиться.

– А мы как раз планировали создание современного лингафонного класса, – быстро говорила директор, боясь, что остановка в разговоре сорвет то, что она задумала, – и мы хотели поручить это дело вам. Найти инвесторов, организовать поставку оборудования и начать преподавание. Вот.

Я не думаю, что Богославия это исключение из правил. Во всех странах существуют свои демократические беруфсферботы и с попавшими под ограничения людьми разговаривают также, как и со мной. А снятие ограничений ведет к «искренней» радости за человека.

– О, не волнуйтесь, – успокоил я директоршу, – стоит только свистнуть и со всех сторон набегут инвесторы и поставщики всякого оборудования. Вы же не частная школа, а муниципальная. Проведут тендер, отдадут подряд на работы тем, кто предложит самое дешевое оборудование и самые дешевые работы. Только учтите мнение по этому поводу Александра Сергеевича Пушкина: «И сказал ему Балда с укоризной, не гонялся бы ты, поп, за дешевизной». Дешевизна всех обманывает, потому что муниципалитет сначала дает обещания, работы выполняются, принимаются, а потом муниципалитет начинает крутить носом и хаять всех и вся, сбивая цену и отказываясь платить. Так что, нужно крепко подумать, связываться или не связываться с этими работами. Помните, летом фасад школы красили? Так ведь фирме до сих пор не заплатили за покрасочные работы, и она даже через суд ничего не может сделать. А вам я пожелаю успехов в трудном деле воспитания подрастающего поколения.

Вот так я расстался с нивой просвещения, не думая о том, что причинил кому-то зло и сделал что-то плохое. Специалистов пруд пруди и кому-то я освободил путь-дорогу в будущее.

По дороге домой, то есть в гостиницу, я все вспоминал условия договора, подписанного мною с Люцием Фером. Мне помогают выполнить все мои желания. Но как? Если я буду сам работать над исполнением этих желаний. То есть, если я даже возьмусь за что-то невыполнимое, то оно исполнится? Ой, вряд ли. Это по типу таких вот атеистических вопросов двадцатых годов прошлого столетия: может ли Господь создать такой камень, который сам не сможет поднять? Или, что создал Господь первым, яйцо или курицу?

Однажды великий император Акбар потребовал от министров ответа на вопрос:

– Могу ли я что-то, чего не может Бог?!

Министры сразу почуяли беду, потому что как ни ответь, либо Бог, либо царь будут прогневаны. Все молчали. Тогда ближайший советник императора Бирбал сказал:

– Да.

Все удивились и даже сам император.

Бирбал сказал:

– Все творение принадлежит Богу, поэтому если Бог захочет кого-нибудь изгнать за пределы своих владений, он не сможет этого сделать, а вы любого неугодного вам человека можете выдворить из своего царства.

Ловкий человек выкрутится из любого положения. Вон, Штирлиц, из любой сложной ситуации всегда выходил сухим из воды.

Может, и Люций Фер эту же ловкость имел в виду в договоре? Допустим, я как умный и образованный человек не буду браться за изобретение перпетуум мобиле, потому что доказано, что это невозможно. Точно также и Всемогущий Бог не будет создавать камень, который не сможет поднять и все потому, что он Всемогуш и могущество его не только в силе, но и в уме. Для чего ему создавать такой камень? Но ничего не сказано о том, кому служит Люций Фер. Он сможет это сделать или нет? Я обязательно проверю.

В гостинице меня ждал водитель.

– Вот, Алексей Алексеевич, просили передать на просмотр образцы мебели, как выберете, позвоните бухгалтеру, а вот тут я машины присмотрел, – сказал он.

Жук, конечно, этот водитель, но не из тех, кто хозяйские деньги не жалеет для собственного удовольствия. Для загородных поездок – УАЗик «Хантер» богославского производства со всякой иностранной начинкой, а для городского цикла немеценький BMW пятой модели. Одобряю. Мебель тоже.

Завтра у меня новоселье, а сегодня еще побуду в гостинице.

На новоселье был один. Обошелся без батюшки с кропилом и святой водой, как-никак, а честно ли я поступлю, если пойду в храм после того, как Люцием Фером договор подписал?

Глава 19

Со стороны кажется, что богатым быть легко. Не верьте и к богатству особенно не стремитесь. Потом вспомните те благословенные времена, когда вы были людьми среднего достатка и жили в свое удовольствие.

А тут еще черт меня дернул играть на бирже. Не поминайте имя это всуе, дамы и господа.

Посмотрел я на финансовый рынок. Все также, как походы по магазинам для выяснения, где и что подешевле продается. Там, где дешевле, там купить, а там, где дороже, там продать.

Есть еще фондовый рынок, он же рынок ценных бумаг. Там тоже за деньги покупают и продают акции, суррогаты акций, то есть расписки всякие, облигации, сберегательные сертификаты, векселя и чеки.

Так вот на этом рынке самые главные это эмитенты, инвесторы и брокеры. Шайка-то поболее будет, но без этих не обходится ни одно дело.

Эмитент это тот, кто акции выпускает и в продажу их отдает. Инвестор это тот, кто покупает эти акции, то есть вкладывает свои деньги в эти акции. И между ними суетится брокер, которому государство выдает лицензию на проведение операций между эмитентами и инвесторами.

Ох, и коты жирные эти брокеры. По всем средствам массовой информации рекламируют себя, мол, отдаете ему сто долларов, а через месяц получите сто пятьдесят долларов и делать ничего не нужно, брокер за вас все сделает. Ага, он эти денежки пропьет-прогуляет, а потом скажет вам с невинным видом:

– Не получилось. Рынок, однако. Давай еще денег, начальник, дальше играть будем.

И играет брокер на деньги бедного инвестора, пока у того деньги не закончатся.

Брокера нужно сразу поставить в рамки, то есть в стойло. Определить ему процент от сделок и действовать он должен не по своему уразумению, а по вашей указке: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация, менять брокера без всякого сожаления. Только и инвестор должен знать ситуацию на рынке, то ли иметь точные сведения, то ли иметь такую же интуицию, но покупать те акции, которые дешевы, но скоро прибавят в цене. Или сбросить те акции, которые скоро упадут. Вот тут как раз нужно не промахнуться. Промахнулся сам, сиди и зализывай раны, а на брокера не гавкай.

Таким образом, я себе и обрел вторую работу, которая требует не меньше времени, напряжения, больших знаний, как и любая другая работа. Только там ты работаешь на дядю, а здесь ты работаешь на себя. Да и стартовый капитал лучше иметь под рукой. Потому что, если начнешь со ста долларов, то до миллиона доберешься годам к семидесяти, если доберешься.

Работа на фондовом рынке сравнима с наркоманией или игроманией. Раз взялся, то уже не отойдешь никогда. Если не будешь хулиганить, то проживешь долго и счастливо, а если будешь все время играть на грани фолла, то скоро будешь сидеть в переходе и просить подавание на булку хлеба и чашку кофе.

Утро начинается с чтения биржевых новостей, обзоров по разделам экономики общих и по тем отраслям, куда вложены деньги. Лучше работать стратегически, то есть знать время колебаний рынка, а не сидеть и ежеминутно реагировать на какие-то изменения. А эти изменения могут быть просто прощупыванием настроений игроков, чтобы создать видимость тенденции. Многие покупаются на это. А есть еще «грызуны», которые бьются за каждый цент как во время уличных боев в Сталинграде. Такие даже среди игроков в карты встречаются, сам удивится или кого-то удавит за лишний вистик. От таких людей я стараюсь держаться подальше.

Иногда я вспоминал свою школьную работу. Она снится мне как что-то такое, чего никогда не было, и чего я хотел бы вернуть назад.

Самое плохое то, что когда работаешь только на себя, то забываешь о распорядке дня и все подчиняешь улучшению своего благосостояния, то есть увеличению имеющихся у тебя денег. Таким образом, гробится твое здоровье и здоровье тех, кто находится рядом с тобой. Врачи в любом случае повторяют о необходимости соблюдения режима работы и отдыха. И мы это прекрасно понимаем, но разве можно удержаться и не принять участия в распродаже акций какого-нибудь «Золотого Никеля», в один час оказавшегося банкротом по неизвестным причинам, но обогатившего своих главных акционеров на сумму в несколько раз большую, чем стоимость продающихся акций.

Хорошо, что у меня есть домработница, она же и повар, которая готовит мне пищу. Если бы мне еще самому пришлось заниматься приготовлением пищи, то я вряд ли бы достиг чего-то. Я представляю себе господина Пушкина Александра Сергеевича, который стоит у плиты, готовит борщ и попутно пишет стихи:

*В тени густых лицейских рош
Варю себе в кастрюле борщ,
Капуста, свекла и приправы,
И лук, как купол златоглавый...*

А почему бы и нет? Мне частенько на ум приходят стихотворные строчки, когда я занимаюсь какими-то кухонными делами. Но я чаще в уме сочиняю стихи, когда хожу на рыбалку. Правда, эти стихи забываются сразу, как только они сочиняются. Если бы я их записывал, то получился бы немалый сборник, пригодный для издания.

Вы, наверное, уже догадались, что сейчас речь пойдет о рыбалке и будете гадать, что я же я поймаю в этот раз, золотую рыбку или волшебный перстень в брюхе огромного сома? Трудно сказать, давайте подождем того, как начнется следующая глава.

Глава 20

Все-таки приятно ездить на рыбалку пассажиром. Конечно, это на любителя, но если в конце рыбалки предполагается приготовление ухи, то все пассажиры оказываются в более выгодном положении, чем водитель транспортного средства.

Я не скажу, что безумно люблю рыбалку, но рыбачить мне нравится. В детстве я не понимал прелести этого способа времяпровождения. Раньше отец брал меня на реку, чтобы вместе наловить больше рыбы в качества приварка к нашему не блиставшему различными деликатесами столу, и этим отрывал меня от детских игр.

Вкус к рыбалке я почувствовал только тогда, когда мне удалось перехитрить хитрого и здорового карася, объедавшего наживку на крючке и не желавшего ловиться. Такие же и охотники. И еще терпеть не могу царских рыбалок и царских охот. На таких рыбалках нужно разряжать патроны, чтобы, не дай Бог, не убить зверя, приготовленного для царя, или загигать крючки так, чтобы не поймать рыбку, крупнее, чем у царя. Самое лучшее – рыбачить одному.

В век богатых людей и партийных аквариумов, где ловилась рыбка мала и велика в любое время дня и ночи, в ветер и в дождь, и прочее, лучше сидеть на каком-нибудь безлюдном озере или на берегу какой-нибудь еще не изгаженной туристами речушки. Насаживаешь червячка на крючок, забрасываешь удочку и ждешь поклевки. Какие только мысли не приходят в это момент. Пробовал я записывать свои мысли во время рыбалки, но в это время начинала клевать рыба, и записи приходилось откладывать. Поэтому – на рыбалке нужно заниматься рыбалкой.

В этот день рыба совсем не клевала. Такое ощущение, что она спряталась от крупного хищника, а моя наживка на маленьком крючке крупную рыбу не прельщала.

Я заменил крючок на большой, сделал другую наживку и тут начала долбить мелочь, которая не может даже ухватить крючок и налетает откусывать лакомство. Снова сменил крючок и наживку – тишина. Меняю – мелочь беспокоит. А ведь если есть мелочь, то хищника рядом нет. Так что рыбалка была неудачной. Хотя, почему я называю ее неудачной? Я хорошо отдохнул. Из моих глаз исчезли графики курсов валют, индексы продаж и покупки различных акций. Я не думал ни о каком деле. Я не думал ни о чем. Мне нравилось сидеть на маленькой скамеечке, держать в руках удочку, делать забросы, проверять наживку.

Чего бы я хотел наловить, так это либо маленьких уклеек, либо карасиков с ладонь, по три рубля за штуку. Уклек жарить. Вспоминаю вкус детства. Жареные уклейки хрустят, и вкус имеют необыкновенный. Или жареные караси.

Недалеко от нас есть большие озера, где водятся крупные караси. Эти караси в жареном виде продаются на железнодорожных станциях вблизи озер. Ну, не умеют там жарить карасей. Люди едят и давятся костями. А потом говорят, что жареные караси – это плохая рыба. Стоит плохому повару дать любой хороший продукт, он сделает плохое кушанье из любого продукта. Китайцы говорят, что нет плохой пищи, есть плохие повара. Китайцы, ладно, они едят все, что шевелится. Что не шевелится – расшевеливают и едят. А вот я жарю карасиков – пальчики оближете.

Карась очищается от чешуи и потрошится. Обязательно нужно убрать жабры, там самая горечь как в масляном фильтре автомобиля. Затем очищенный карась шинкуется, то есть острым ножом делаются надрезы поперек карася до самого хребта. Надрезы на полсантиметра друг от друга. Затем берется мука. В нее насыпается перец и соль, примерно столько, сколько бы вы посыпали на порцию жареной рыбы. Нашинкованный карась обмакивается в муку с солью и перцем и кладется в раскаленное растительное масло. Получается поджаренный до золотистого цвета карась.

В таком карасе нет ни одной косточки, кроме хребта и ребер. И кушать его нужно только руками, потому что ковырять вилкой такую прелесть, это просто кошунство. Даже китайцы

со своими палочками такую рыбу едят руками. Стоит съесть с десяток таким образом пожаренных карасей, и тогда понимаешь, что такое рыбацкое счастье, и счастье вообще. Всякие там барбекю даже в подметки не годятся карасям. Кстати, карасей можно элементарно пожарить и в полевых условиях. Намного быстрее, чем делать рыбу горячего копчения.

В этот день рыбного блюда на моей рыбалке не получилось. Ну и ладно, зато в «тормозке», есть бутерброды с семгой и кофе. Я с аппетитом перекусил и открыл бутылку минеральной воды, которая зашипела как змея, долго ждавшая в засаде, и выплеснулась на меня, замочив брюки и куртку. Вода была сильно газирована и не напоила меня, а семга наоборот – солоновата и было небольшое чувство жажды.

– Давай-ка завернем к избушке с журавлем, – сказал я водителю.

– С каким журавлем, – не понял тот, – здесь отродясь журавлей не бывало.

– Видишь, в крайнем доме в огороде палка с веревкой точит, – сказал я, – так вот эта штука и называется журавлем. С помощью его из колодца воду достают.

– А-а, понял, – сказал водитель и повернул руль.

Глава 21

Маленький домишко покосился и врос в землю по самые окна. Вероятно, зимой их замечает, и остаются только маленькие амбразуры, пропускающие немного света.

В доме жила старушка неопределенного возраста. Я бы не сказал, что она сильно старая, но и молодухой ее нельзя назвать. Скажем так: женщина в возрасте. В большом возрасте. Невысокая, худенькая, подвижная. На стук открыла калитку в воротах.

– Заходите, заходите, гостеньки, – сказала она, – с чем пожаловали?

Так открывали двери в прежние времена, когда лихих людей было очень мало. Тогда и двери на замки не закрывали. Вичку в пробой вставляли, и она показывала, что хозяев нет дома. Уезжали хозяева на неделю-две из дома, нисколько не заботясь о сохранности имущества, зная, что соседи присмотрят и за скотиной поухаживают.

– Воды нам колодезной попить, – сказал я, замявшись там, где нужно было сделать обращение к хозяйке.

– Да ты, гостенек, не стесняйся, называй меня бабулей, – помогла мне хозяйка, – я, чай, много постарше тебя буду. Что, рыбы так и не наловили? Вижу, что не наловили, уху не варили, запаха дыма и водки нет. Какой же рыбак станет кушать уху без водки? Вам воды из ведра или прямо из колодца хотите?

– Из колодца, – сказал я.

– Как хотите, – улыбнулась хозяйка, – в ведре вода из колодца и там вода отстоялась, не то, что в колодце.

– Ладно, – сказал я, – давайте из ведра.

– Что-то ты сговорчивый такой? – с прищуром сказала женщина. – Со всем соглашаешься, так ведь и баба любая тобою помыкать будет. У мужика должно быть одно мнение. Сказал – отрезал. Тогда и по жизни кривулять не будешь, и семья твоя крепкой будет.

– Я пока один, – сказал я, – поэтому и позволяю себе соглашаться со всеми. А как вы тут одна живете, у вас даже электричество к дому не подведено?

– А нашто мне электричество, – засмеялась женщина, – я сама себе электричество. Летом тепло, а зимой я сама себя грею. Печку натоплю и лежу там, жизнь свою вспоминаю.

– А чего в стороне от людей живете? – спросил я.

– Это не я, это они в стороне от меня живут, – сказала она.

Я тоже заприметил, что прямая дорога сворачивает за ее домом направо и потом уже поворачивает налево в деревеньку.

– Как же так? – не понял я.

– Да так вот, – вздохнула женщина, – я так долго живу, что все меня колдуньей считают и стараются держаться подальше.

– Да разве ваш возраст редкость в наше время? – спросил я.

– Эх, знал бы ты, гостенек, сколько мне лет, сам бы убежал из этого дома, – сказала хозяйка и в ее глазах блеснули слезы. – Слушай, купи у меня сундук, а то мне жить не на что.

– Зачем мне сундук? – сказал я. – Давайте я вам лучше денег дам. Сколько вам нужно?

– Мне нужно десять тысяч на похороны, – сказала женщина, – но ты должен забрать у меня сундук. Сделай мне такую милость, мил человек. Избавь меня от страданий.

– Не нужен мне ваш сундук, – воспротивился я, – куда я его поставлю? А вы что, на себе его таскаете, раз он вам страдания приносит?

– Эх, гостенек, – вздохнула женщина, – любой другой за этот сундук меня бы озолотил, а я у тебя всего лишь десять тысяч рублей прошу на черный день.

– Да вы не волнуйтесь, хозяйюшка, – сказал я, – сейчас вот дойду до машины, возьму деньги и отдам вам, но сундук ваш мне не нужен.

Сам сундук стоял в уголке и был накрыт накидкой вроде половичка. Хозяйка подошла к нему и сняла эту накидку. Деревянный ящик с крышкой и замком. Весь обит тонкими коваными полосками. Собран из тонких сосновых досок. Сам огромный, а весу в нем как в пушинке. Сверху изрисован различными цветами и петухами, покрытыми лаком. У моей бабушки в деревне стоял такой же сундук. Все самое ценное хранилось там: отрезы на платье и на костюмы, подвенечное платье, рубашка первенца, фотографии мужа с войны, узелок с конвертиками, перевязанными голубой атласной ленточкой, девичьи вещи, разные бусы, пачки керенок и облигаций военного трехпроцентного государственного займа. А на закрывающихся крышечкой полочках было столько всего интересного, до чего всегда тянулись ручки маленького человека. Я вспомнил это, и у меня мелькнула мысль, а почему бы мне не купить сундук? Многие с ума сходят от старинных самоваров. Ну, самовары, это особая статья, там одних медалей десятка два отчеканено, да еще качество чеканки такое, что все мельчайшие детали видны. Но я сразу откинул мысль о покупке сундука и вышел из комнаты. Хозяйка пошла следом за мной.

В моем бумажнике было ровно десять тысяч рублей. Десять бумажек по тысяче. Я достал деньги и отдал женщине.

– Спасибо, мил человек, – сказала она и поклонилась мне, – век тебя помнить буду. Сынок, – обратилась она к водителю, – иди-ка в горницу, там сундук стоит, принеси его, он легкий.

Водитель молча отправился в дом, но я его остановил.

– Нет уж, мил человек, – твердо сказала хозяйка, – у нас договор был, что ты даешь мне десять тысяч рублей, а я тебе взамен отдаю сундук. Мне милостыни не надо. Иди, иди, сынок, забирай сундук.

Водитель ушел.

– Что я буду с этим сундуком делать? – взмолился я. – Мне его не увезти, в багажник не поместится.

– Не поместится, привяжешь, – безапелляционно сказала женщина, – а я тебе вот что скажу. Сундук этот не простой. Устанешь сильно, залезь в него и посиди минут десять. Никакой усталости не будет и сил прибавится. В сундуке и помечтать можно, да только с мечтами нужно осторожнее быть, а то вдруг они исполнятся.

– А это плохо, если мечты исполняются? – улыбнулся я. – Вот вы бы залезли в сундук и помечтали бы, что вы сейчас краля, краше которой в свете никого нет. Да я бы вас в своей машине умчал и на руках везде носил.

Женщина посмотрела на меня и заплакала:

– Да сколько же раз мне туда залезать и сколько мужей мне хоронить, а самой на этом свете бобылкой маяться да от соседей сторониться. Забери этот сундук, дай мне спокойно дожить век и уйти туда, куда все уходит.

Вытерев фартуком слезящиеся глаза, она повернулась и пошла в дом. Навстречу ей шел водитель, держа сундук за кованые ручки. Я поспешил ему на помощь.

– Не надо, – остановил он меня, – это он на вид большой, а так легкий, я даже сам удивился. Вот как мы его повезем, вот в чем вопрос? Если бы вы мне сказали, что сундуками интересуется, так я вам бы за десять тысяч рублей с десятков таких сундуков привез.

Кое-как мы затолкали торец сундука в открытый багажник, привязали веревкой сундук и крышку багажника и потихоньку поехали домой.

Глава 22

Я долго не мог найти место для сундука, куда ни поставь, мешается. И только в моем кабинете нашлось место, где он встал так, как будто эта ниша специально была предназначена для его установки. На сундук я положил плед и частенько садился на него в позе Будды, отдыхая от трудов на фондовом рынке.

Труды мои вначале не приносили никакого дохода, но затем я стал, как говорят картежники, чувствовать масть и карту. Как только президент сябров начинал взбрыкивать по нефтяному или молочному вопросу, так я сразу начинал скидывать акции нефтегазового сектора и пищевой промышленности. И наоборот, когда новый туркменбаши начинал ерепениться, я скупал акции газовых компаний. Повыеживаются эти два сябра и успокоятся, все равно кроме богославов им никто не даст нормальной цены за их продукцию. Правда, с нефтью белобогославский сябр явно химичит. Скоро цена на бензин в Белобогославии и в тех, странах, куда она поставляла бензин, перегнанный из дармовой нефти, подскочит, а акции этих предприятий у меня уже прикуплены и дожидаются своего часа. Ладно, не буду открывать всех секретов и плодить конкурентов себе.

Я установил для себя спокойный образ жизни, без потрясений и прочих встрясок. Жизнь слишком коротка, чтобы разбрасываться ею. Нужно сделать что-то значительное, чтобы оно осталось и после тебя.

Многие ездят по всему миру, и там они были, и здесь были, а что в результате? Что ты скажешь апостолу Петру, когда он встретит тебя перед воротами царствия небесного? Что ты сделал за свою жизнь? Какой след ты оставил? Где его можно найти?

Да его можно найти только в туалетах тех стран, которые ты посещал. А еще надписи, нацарапанные гвоздем или написанные краской: «Здесь был Вася». Или Петя. Или Коля. А где тот памятник нерукотворный, который ты должен был воздвигнуть за свою жизнь? Тот камень, что поставили тебе на могилу, простоит недолго. Лет через пятьдесят дешевенький цемент рассыплется и камешки упадут на землю, а твою могилу сравняют бульдозером и построят на том месте торгово-развлекательный центр, и никто даже не вспомнит о том, что на земле был ты и что ты посетил шестьдесят стран. Ну и что, скажет кто-то, а чем он докажет это? Ладно, он бы съездил и написал книгу о своих впечатлениях, сделал далеко идущие выводы, вокруг которых до сих пор спорят ученые и путешественники.

Второй момент. В наш век коммуникаций совсем нет необходимости ехать куда-то, чтобы в жару и по каменистой тропке взобраться на какую-то гору и осмотреть с нее на те царства, которые предлагались Иисусу в управление в обмен на подчинение антиподу Отца его. Но ведь ты не Иисус и не сможешь почувствовать всего того, что испытывал Он, борясь с искушениями.

Как-то один человек восторженно рассказывал мне о восхождении на гору Синай.

– Мы ночью поднялись на вершину горы Синай, там высота 2286 метров над уровнем моря. Здесь Господь дал Моисею каменные скрижали с Десятью заповедями. На середине пути мы напились из родника Моисея, а потом пили из источника Илии. А когда рассвело, то на вершине горы мы видели остатки часовни Святой Троицы и маленькой мечети. Даже мусульмане почитают Моисея.

– А дальше что? – спросил я.

– А потом мы спустились с горы, – сказал путешественник.

– Но ведь что-то же должно остаться у вас в душе, в памяти? – не унимался я.

– Конечно, осталось, – согласился рассказчик, – устали мы здорово.

– А если ты еще раз приедешь в Шарм-аль-Шейх, ты пойдешь снова на гору Синай? – задал я последний вопрос.

– А че я там забыл? – последовал естественный ответ.

Так оно и есть, а я вот виртуально был на горе Синай и могу описать православный греческий храм во имя Святой Троицы на вершине горы Моисея, который был построен в 1935 году из остатков церкви времен императора Юстиниана Великого. Это не та церковь в нашем понимании этого слова. Это простой дом из розового туфа, нарезанного большими блоками. Ширина церкви семь-восемь метров, длина – чуть поболее десяти метров. Крыша двускатная, покрыта старинной дранкой. Вход с торца. Дверь двухстворчатая с деревянными резными крестами. На входе сделано крыльцо с металлическим ограждением. На боковых стенах по четыре окна на уровне пятого ряда строительных блоков.

Я к чему это все говорю? Просто жизнь человека должна быть не беспорядочным времяпровождением, а каким-то осознанным движением вперед. Стоит только войти в какую-то тусовку, как жизнь начинает идти по принципу броуновского движения атомов. Если сам не остановишь эту цепную реакцию, то окажешься на обочине жизни.

Не верите? Попробуйте. Появятся знакомые, потом знакомые знакомых, потом знакомые знакомых знакомых, потом эти люди сами станут вашими знакомыми. Отовсюду будут сыпаться приглашения на банкеты, на фуршеты, на праздники, на церемонии, презентации, крестины и годовщины, на трапезы и на тризны. Стоит только коготку увязнуть. И отказаться нельзя, можно обидеть. А потом надо давать ответные приглашения, и понеслось. Поэтому, мое правило – только деловые рауты и никаких личных связей, тем более посиделок в ночных клубах. Я существо дневное. Не нравится? Насильно мил не будешь. Правда, если мне что-то нужно будет, то придется пойти и в ночной клуб. Но пока мне ничего не надо. А вот от меня многое нужно. Пришлось заводить секретаря. Нанял толкового парнишку. Работать у меня будет недолго. Запасется адресами, связями и пойдет по лестнице то ли вверх, то ли вниз, то ли вбок. Кому как на роду написано.

Глава 23

Не знаю почему, но сидя в уголке с сундуком, я быстро отдыхал и приводил в порядок свои мысли. Вообще-то, я относил это на счет медитации или аутогенной тренировки, которой занимался по совету медиков.

Аутогенная тренировка полезна в первую очередь тем, что позволяет отключиться от одного дела и переключиться на другое. Натренированный человек легко возвращается к обдумыванию того дела, с которого он переключился.

Поэтому я частенько сидел на пледе в позе Будды и старался представить себе большой палец на левой ноге. Я представлял схему этого пальца, расположение фаланг, связок, мышц, нервных окончаний, кровеносных сосудов, капилляров и давал команду своему организму согреть большой палец, чтобы тепло от него постепенно расходилось по всему телу. Это у меня получалось быстро. Я начинал чувствовать покалывание в пальце, и действительно тепло стало расходиться по всему телу. В этот момент многие люди просто засыпают, но для аутогенной тренировки нужно, чтобы процесс распространения тепла контролировался и человек производил корректировку всего организма.

В этот раз я потерял контроль над организмом где-то в области живота. Мне показалось, что я сижу на стуле и смотрю в огромное окно, за которым ходят улыбающиеся люди. Стоит тихая и солнечная погода и все одеты в легкие одежды. Я смотрел в окно, наверное, около часа и не видел ни одного хмурого лица. Были лица спокойные, сосредоточенные, но ни в одном человеке я не видел состояния злобы.

– Что за праздник такой? – подумал я и оглянулся. За мной не было никаких стен, а были огромные стекла окон.

– Странно это, – подумал я и хотел слезть с сундука, но никакого сундука не было. Я был в стеклянной клетке. Я видел людей, люди видели меня, и они потому были веселыми, что смеялись над моим нахождением в стеклянной клетке.

– Почему это так, – чуть не заплакал я от обиды, – что я им всем сделал?

– Открой окно и иди к нам, – прочитал я по губам слова одной улыбающейся женщины.

Я нажал на край окна, и оно беззвучно открылось. Мне навстречу полились звуки дороги, разговоров людей.

– Зачем вы залезли в музыкальную шкатулку? – спросила меня улыбающаяся женщина.

– В музыкальную шкатулку? – удивился я.

– Да, в музыкальную шкатулку, – сказала она, – у кого слишком много радости и когда он боится своим восторгом доставить неудобство другим людям, он заходит в музыкальную шкатулку и кричит от души. Но вы почему-то не кричали, а как-то странно смотрели на нас. Поэтому и я решила помочь вам. Кто вы?

– А я и сам не знаю, кто я и где, – тихо сказал я.

– Не волнуйтесь, такое часто бывает, – просто сказала женщина, – у нас часто появляются люди неизвестно откуда. Мы как на перекрестке живем. Пойдемте, я вас час чаем напою. Вы какой чай любите? У меня есть абрикосовое варенье с миндальными орешками?

От ее слов повеяло теплотой и уютом. Я уже представил себе чашку ароматного чая и янтарное варенье с дольками-сегментами абрикоса, которые прямо в варенье превращаются в маленький марципанчик. От этих мыслей у меня закружилась голова, и я стал падать.

Я пришел в себя от мысли, что несусь в пропасть и увидел, что я действительно падаю с сундука, еле успел сгруппироваться и подложить под себя руку, чтобы избежать больших ушибов. Я так и падал в позе Будды, потому что мое тело затекло и не желало слушаться. Наконец, кровообращение в нижней половине тела стало восстанавливаться и сотни и тысячи

маленьких иголок впились в мое тело. Было так больно, что я прикусил палец, чтобы не закричать.

Через какое-то время я встал с пола и начал прохаживаться по кабинету, разминая ноги и обдумывая то, что мне приснилось или привиделось. Не похоже, чтобы я спал, потому что я помнил все, что происходило со мной. И ощущения были такими, какие во сне присниться не могут.

Я снова подошел к тому месту, где я сидел и снял плед с сундука. Сундук как сундук. К ручке привязан старинный массивный ключ от замка.

– Он закрыт на замок, – пронеслась у меня мысль, – я открою его, а там сидит хозяйка сундука. – Здравствуй, мой разлюбленный, – воскликнет она и бросится в мои объятия. И мы будем жить поживать и добра наживать. Как в сказке.

Я потрогал крышку сундука и убедился в том, что он действительно закрыт на ключ. Немного подумав, я взял ключ, вставил его в замочную скважину и повернул. Раздалась музыка. Это, конечно, не музыка, а звуки типа «тин-динь-динь», получаемые при соприкосновении металлической детали с музыкальной пластинкой. При втором повороте ключа я уловил подобие мелодии типа «Ой цветет калина». Я быстро закрыл замок на два оборота, снова открыл. Точно – «Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я...». Но с любовью-то той ничего хорошего не вышло, потому что «парня полюбила на свою беду...».

Я еще раз внимательно посмотрел на замок и не увидел никаких элементов для ввода буквенного пароля. Открыл крышку и осмотрел сундук. Он был абсолютно пуст. И оттуда ничем не пахло.

– Стоит ли мне туда залезать, – подумал я, – что я там найду? А вдруг сундук захлопнется, и я просто-напросто там задохнусь. Зато в газетах пропишут: богославский миллионер задохнулся в купленном им по случаю старинном сундуке. Вот смеху-то будет. Но вы этот смех не услышите. Это на ваших похоронах все так думать будут. Помер и наследников не оставил. Все в доход государства пойдет. Вот так, нахалюву начальнички распилят эту деньгу, и будет память о нем во время отдыха на Канарах. Так ему и надо.

Я внимательно обследовал сундук. Обстучал, ощупал и пришел к выводу, что в сундук можно положить инструменты, при помощи которых его можно в две секунды вскрыть как консервную банку.

– Послушай, ты действительно хочешь залезть в сундук? – удивленно спросил я сам себя.

– А для чего же я его покупал? – уверенно ответил я же и сам себе, – если бы я не хотел в него залезать, то я бы выкинул его в первом же перелеске, а не ехал с ним по городу как какой-то крохобор со своего дачного участка. Раз купил, нужно попробовать, правда ли этот сундук обладает какими-то чудесными свойствами. Как это у наших бывших братьев? Пусть брюхо треснет, но продукты выкидывать нельзя.

Глава 24

Прошла еще целая неделя, прежде чем я сподобился, а, вернее, надумал и решил посидеть в сундуке, когда дома никого не будет.

Я не видел, как это выглядит со стороны, но мне кажется, что выглядит очень странным, когда здоровый мужик, озираясь, укладывает на дно сундука инструменты, осторожно встает у торцевой стенки, придерживаясь за нее, садится, а потом закрывает крышку. Ну, чисто детская игра в прятки.

После того, как крышка опустилась на место, наступила полная темнота. Именно полная. Темной ночью, когда на небе нет ни звездочки, ни луны, не наступает полной темноты, потому что земля освещается многократно отраженным космическим излучением, которое мы не видим, но которое видят чуткие фотоэлементы, использующиеся в приборах ночного видения. Как же в полной темноте могут работать эти приборы? Никак. А ведь нужно будет проверить это утверждение и посмотреть в такой прибор в сундуке. Ладно, оставим это испытателям приборов, пусть они создают полную темноту, чтобы приборы работали лучше.

Еще одно лирическое отступление по поводу сундука. У меня даже не мелькнула мысль о том, что закрытый сундук похож на гроб. Ни-ни. Это сундук и сундуком остается.

Я сидел в сундуке в достаточно неудобном положении, правда, подложив себе под спину подушку. Крышка приподнималась легко, и я мог свободно в любое время покинуть свое укрытие. Главное, чтобы никто этого не увидел. Нет, ну сами подумайте, что можно сказать о взрослом человеке, который сидит в сундуке? Ничего не скажут, только пальцем у виска покрутят.

А как же Диоген, спросите вы? Он прославился тем, что жил в бочке. А в бочке ли? Он жил в огромном кувшине из-под вина, пифосе, а не в бочке и прославился тем, что занимался онанизмом, извините – мастурбацией на виду у людей, цинично отзывался обо всем и ходил днем с фонарем. Вот этим он и прославился и ничем другим. Правда, те, кто хотел сделать из него знаменитость, называл его киник, но ведь при нормальном прочтении этого слова на латыни он читается как циник. И понятие цинизм произошло именно от этого слова, и ни от какого другого. Никто цинизм не называет кинизмом. У меня по этому поводу даже стихотворение было написано.

*Я циник Синопский,
Зовут – Диоген,
Пахан хулиганский
И враг ваших терм.*

*Мне ваша культура —
Обломки камней,
И пенис скульптуры
Достоин коней.*

*В дырявой хламиде
Плевал я на всех,
Меня не заденет
Патрициев смех.*

*Я с пафосом в пифос
Залезу, как в дом,
И днем я за пивом*

Пойду с фонарем.

*Не липнет хвороба
К немьтым рукам,
И я не подобен
Вам всем – дуракам.*

Ладно, оставим в покое Диогена. Я сидел в бочке, извините, в сундуке и думал о той женщине, которая мне приснилась и пригласила на чай, а я так и не успел попробовать ее варенья. Бывают же такие сны? И вдруг стенки сундука куда-то исчезли, и я очутился в каком-то знакомом и незнакомом городе. Я чувствовал, что город мне рад.

У меня уже неоднократно возникали такие же ощущения при посещении разных городов. В одном городе кажется, что даже дома смотрят на тебя как-то враждебно и говорят – ты чего сюда приехал, чего тебе надо? В другом городе – полное равнодушие. Тебя никто не видит, и ты никого не видишь. Приехал – ну и ладно, уезжаешь – ну и Бог с тобой. В третьем городе – тебе все рады. Улыбаются прохожие, улыбаются дома, подмигивают цветы летом и даже зима становится ласковой. Все говорят – спасибо, что вы приехали к нам или – как жаль, что вы от нас уезжаете. Все города – это живые организмы и, если город не принимает вас к себе, оттуда нужно уезжать.

Я шел по солнечному городу и не чувствовал никакой агрессии по отношению к себе. Внезапно я увидел стеклянный куб и вспомнил, что я уже был в этом кубе и все смеялись надо мной. Неужели я снова там же, где и был. Да, мы шли с той женщиной вот по этой улице, и зашли в этот дом. Здесь такой красивый подъезд, и дверь подъезда не закрывается ни на какие цифровые замки, она вообще не закрывается. В подъезде пахнет так приятно, как будто все жильцы только и делают, что прибираются на своих площадках и брызгают там французскими духами. Странные люди.

Я подошел к знакомой мне двери и позвонил. Открыла дверь та же женщина.

– Здравствуйте, – сказал я, – приглашение попить чай остается в силе?

– Конечно, заходите, – обрадовалась она, – вы так внезапно исчезли, что я даже испугалась. Подумала, что это мне все приснилось, но для кого же я тогда наливала чай?

– Извините, что без цветов, – сказал я, – но нигде не видел цветочных магазинов, чтобы купить букет роз.

– Вы собирались купить цветы? – изумилась она. – Вы хотели, чтобы для вас срезали то, что предназначено для украшения нашей земли? – сказала она с возмущением в голосе.

– А разве я не должен приходить с цветами к женщине? – я удивился не меньше.

– У нас к женщине приходят с улыбкой и с чистыми намерениями, – сказала женщина, – а рвать цветы или срубить елочки для празднования языческих праздников – это уж слишком.

– А что вы понимаете под чистыми намерениями? – спросил я.

– Чистые намерения – это намерения любви, – улыбнулась женщина, – а проявления любви могут быть самыми разными. Не обязательно дальнейшая совместная жизнь, но даже кратковременная вспышка любви освещает нашу жизнь. Вы заметили, что у нас редко появляются облака? Они приходят только тогда, когда мы все спим, они приносят с собой дождь, прохладу и чистоту.

Глава 25

– И давно это у вас так? – спросил я.

– Что именно? – не поняла женщина.

– Ну, вот эти, чистые намерения? – уточнил я.

– Да, пожалуй, всегда так и было, – рассмеялась моя знакомая, – у нас каждый говорит и делает то, что у него есть на душе, на сердце. У нас и общество называется чистосердечным.

– И поэтому вы все такие доброжелательные к людям? – не понимал я. – А вдруг человек вам не нравится или он делает то, что он не должен был делать. Вы также с улыбкой и чистосердечно говорите ему все это, не дожидаясь того момента, когда человек поймет, что его поведение предосудительно, противоестественно или антиобщественно?

– Конечно, а как же иначе, – чистосердечно и с полной уверенностью в своей правоте сказала женщина, – правда, таких случаев в последние двести лет не было.

– Неужели у вас всегда все было так безупречно и благородно? – не верил я.

– Да, именно так, – убеждала меня хозяйка.

– Неужели у вас не бывает мыслей, противоположных тому, что вы называете чистосердечным обществом? – снова спрашивал я.

– Не бывает, – твердо сказала женщина с некоторой задержкой при ответе.

– И если я вам сейчас скажу, что пришел к вам только за тем, чтобы попить ваш чай, а потом завалить вас в постель и наслаждаться вашими женскими прелестями, то и это вас не удивит? – задал я провокационный вопрос.

– Почему же это должно меня удивить? – рассмеялась женщина. – Я и сама подошла к вам только за тем, чтобы обратить на себя внимание, понравиться и затащить в свою постель. Вы же не обидитесь на мои слова?

– Нет, не обижусь, – признался я. С одной стороны, это неплохо, когда подошел к женщине и сказал то, что ты от нее хочешь. А то начинаются всякие там поводы для знакомства, создание ситуаций для повторной встречи, жесты внимания и тому подобное, а когда дело доходит до главного, то к этому моменту уже нет большого желания, и внимание переключается на другой объект.

– Вот видите, – обрадовалась женщина, – пойдемте быстрее пить чай и в постель, она уже давно готова и дожидается нас.

Действительно. Все как у нас: нечего тянуть резину, по рублю и к магазину.

– Варенье было исключительно вкусным, и она сама была не менее вкусной, чем варенье, – думал я в нежной истоме, нюхая светло-шатоновые волосы, лежащие у меня на плече. – Интересно, они естественные или крашенные? В чистосердечном обществе не должно быть никаких красок. Если зеленое, то зеленое, если седое, то седое. Если оно черное, то и должно оставаться черным. И белый цвет должен оставаться белым. И, вероятно, у них нет и фотошопа. Если человек по жизни урод, то и на фотографии он должен быть полным уродом, а не херувимом, глядя на которого умиляешься и отдаешь за него голос на выборах. А когда его выберут, то думаешь, – где же глазоньки-то мои были, выбирая этого урода.

– Слушай, а как тебя зовут? – спросил я свою партнершу.

– Майя129745NH67, – ответила она.

– А как твоя фамилия? – спросил я, по наитию чувствуя, что фамилий при таком имени быть не должно.

– А зачем она мне? – сказала Майя. – Двести лет назад мы избавились от этого архаизма. Имя есть имя. Все равно нельзя дать каждому человеку индивидуальное имя. Очень много имен одинаковых. Мы взяли эти имена и пронумеровали. Просто, но зато точно. Компьютер

по моему номеру и имени может выдать всю необходимую информацию обо мне. Точно также и о любом другом человеке.

– А ты помнишь имя своего отца? – вдруг спросил я и понял, что поставил ее в тупик.

– Имя я вообще-то помню, – с расстановкой сказала она, – а вот номер не помню. А какое твое дело до имени моего отца и моей матери? Они живут сами по себе, и я живу сама по себе. Я не хочу, чтобы кто-то мешал мне, и сама не хочу мешать кому-то жить.

– А семьи у вас есть? – осторожно задал я вопрос.

– А зачем они нам? – удивилась Майя. – Человек – это личность, и она должна самореализовываться. Ему не должно быть дела до того, где находятся его родители или где его ребенок. Они тоже самореализовываются. На том и стоит наше общество. Каждый человек – это ячейка общества и он должен отдавать все свои силы и знания на пользу этого общества, а не отвлекаться на разные мелочи типа семьи, домашнего хозяйства, воспитания детей. Есть специальные люди, которые воспитывают детей и призревают престарелых людей. Послушай, что тебе надо от меня? Ты получил свое, можешь идти в свою ячейку самореализовываться.

– Нет у меня никакой своей ячейки, – огрызнулся я, – и я не хочу идти в это само, как ты говоришь, реализовываться. Я, похоже, вообще не из мира сего. Расскажи мне, как вы живете вообще? Откуда вы знаете, что такое хорошо и что такое плохо? Кто разъясняет вам правила жизни?

– Вот видишь, – Майя показала мне запястье левой руки, – мое красное пятно уже почти зажило. Значит, я полноправная ячейка нашего общества и могу нести свои знания другим.

– А причем здесь пятно? – не понял я. – Это что, родимое пятно? Это только у тебя такое пятно или у всех такие пятна?

– Это не родимое пятно, – гордо сказала Майя, – это воспитательное пятно. Нам каждому в детстве надевают на руку браслет с часиками, по которым мы все делаем. Если мы делаем правильно, то ничего не происходит. Если мы делаем неправильно, то часики начинают жечь руку и жгут тем сильнее, чем неправильнее ты делаешь. Когда человек становится достоин чистосердечного общества, то он снимает эти часики и отдает их воспитателям. Это как диплом о сдаче экзаменов.

– Ты была не сильно послушным ребенком, если у тебя еще не зажила рана от твоих часиков? – спросил я.

– Нет, я была послушной, но я хотела проверить себя, как сильно у меня развита способность переносить боль, – сказала Майя.

– Вы изучали первую и вторую сигнальную системы академика Ивана Павлова? – спросил я.

– У нас нет ученых с фамилиями, – сказала Майя, – а что такое первая и вторая сигнальные системы?

– Это очень просто, – сказал я, – собаке дают пищу и рядом зажигают лампочку. Через некоторое время у собаки выделяется слюна при зажигании лампочки, а не тогда, когда ей дают пищу.

– Не поняла, а причем здесь твоя первая сигнальная система? – спросила женщина.

Глава 26

– А ты хорошенько подумай и поймешь, при чем здесь первая сигнальная система, – сказал я, приводя в порядок свою одежду и направляясь к двери.

– Мне нечего думать, сам думай, – крикнула Майя, не выходя из спальни комнаты.

Я открыл дверь и вышел на улицу. Стояла спокойная солнечная погода. На небе не было ни облачка. Даже листья деревьев колыхались как-то правильно, в унисон, влево, вправо, влево, вправо...

Я стоял около дома, обыкновенного, пятиэтажного, панельного. Хрущоба хрущобой и нет ничего такого заоблачного в этом чистосердечном городе. О городе трудно понять, когда стоишь во дворе дома. Это все равно, что воспринимать его вслепую или судить о мастерстве певца по той мелодии, которую тебе напел сосед, слышавший оригинальное выступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.